

ВИТАЛИЙ НАДЫРШИН

**ОШИБКА
ИМПЕРАТОРА.
ВОЙНА**

6+

Виталий Надыршин
Ошибка императора. Война

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Надыршин В. А.

Ошибка императора. Война / В. А. Надыршин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Лондон середины XIX века – финансовый и политический центр всего мира. А финансовым и политическим центром Лондона была Даунинг-стрит. Именно здесь принимались решения, которые ввергнут ряд стран в кровавую войну с Россией. На почве антирусской ненависти объединятся даже традиционные соперники: Великобритания и Франция. Эту войну в Европе назовут Восточной, в России – Крымской. Интервенты нападут на северные, западные, восточные и южные границы России. Они заблокируют Кронштадт, поселения на Балтийском и Белом морях, на Камчатке, города на Чёрном море. Турки высадятся на Кавказ. Эта война не стала мировой только потому, что на всех фронтах, кроме Крыма, интервенты не смогли разгромить Россию. По признанию многих политиков того времени, война эта была совершенно бессмысленной. Россия вскоре вернула себе Севастополь. Что приобрели Великобритания, Франция и Турция - кроме людских и финансовых потерь? Бог им судья!

Содержание

Часть первая	5
Странный визит	7
Лорд Палмерстон	19
Великосветский бал	34
Разговор императора с английским послом	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Часть первая

Не вините прошлое, господа,
его создавали ваши предки.
1847 год. Лондон.

Обычный, ничем не примечательный воскресный день, тихий и скучный, подходил к концу. Моросит и шуршит по крышам домов мелкий надоевший, хотя и привычный дождь. Редкие прохожие с зонтами над головой, держась ближе к свету уличных фонарей, спешат поскорее покинуть сырые лондонские улицы.

Напротив старинного особняка, что на Ломбард-стрит, под кроной большого с растопыренными во все стороны ветками дерева стоят двое мужчин. Судя по доносившему оттуда разговору, приглушаемому шелестом дождя, один из них говорит явно раздражённо, второй, напротив спокойно, совершенно не реагируя на недовольство своего товарища. Последняя фраза спокойного мужчины, что ждать придётся, возможно, долго, окончательно расстроила недовольного коллегу.

– Что-что? Ждать до ночи?.. И так торчим с самого утра. Торговец уличными балладами, и тот на нас смотрел весь день подозрительно... И как ещё полицию не вызвал?!.. А теперь до следующего утра, что ли, торчать здесь будем?..

– Чего разошёлся?.. Надо, будем и до утра... Чарльз Роуэн¹ меня лично предупредил о важности слежки за этим иностранцем по фамилии Наполеон. Кстати, он случаем не родственник бывшего императора Франции?

– Да какая нам разница? А если он и вовсе не придет?.. Дожились, и по выходным нет отдыха. Подумаешь, Наполеон, пусть и родственник... Понаехало их тут с континента... Вон мои родственники пишут, что у них в Бельгии демонстрации всякие проходят, недовольны люди правительствами своими... Бунтуют, демонстрации там всякие... Газеты читаешь – волосы дыбом... Люди недовольны... Вся Европа бастует. Куда мир катится?.. Вот и этот французик сбежал к нам в Лондон из своей Франции от беспорядков. Тьфу... Теперь торчи здесь... Что бы он...

Цокот копыт лошадей, тащивших громыхавший по булыжной мостовой омнибус, заполненный пассажирами в отличие от буднего дня лишь наполовину, заглушил последние слова рассерженного человека. Зато через несколько секунд опять послышался строгий, начальственный голос его напарника:

– Да тихо ты! Разорался. Придёт не придёт – не наше дело. Начальству виднее... А коль и придёт, то, думаю, уже скоро. Чего ему совсем в ночь-то визиты наносить русскому послу? Поди, не друзья с ним. Так что жди, не кипятись. Нам что главное – не прохлопать этого эмигранта... И доложить... А дальше не наше дело. А что понаехало из Европы люда разного, согласен. Работы у нас прибавилось, это точно.

– А платить больше не стали. Вот и стоим мы тут под дождём... Тьфу...

Недовольный голос на несколько секунд замолк, но потом опять раздражённо произнёс: – Не прохлопать?!.. В темноте-то? Мы что, совы?

– Светло там. Фонарь у парадной... Ослеп?..

После некоторой паузы тот же недовольный человек добавил:

– Спички дай, а то мои отсырели, курить охота. Этот Филипп Моррис, что недавно табачную лавку открыл на Бонд-стрит, совсем обнаглел. Вчера шёл мимо, заглянул. Дай, думаю, куплю сигару или сигарету, побалуюсь в воскресенье, а как на цены посмотрел, чуть не упал.

¹ Один из начальников лондонской полиции.

Уж лучше трубку курить – всё дешевле. И что обидно, супруга его, стерва, стоит и ухмыляется мне в лицо, а братец этого Филиппа на дверь этак нагло показал. Уроды...

– Так брось эту паскудную привычку. Не кури... – и, не услышав ответа, с раздражением добавил: – На твои спички... Покури, потом пройдишь возле дома посла, посмотри, что вокруг делается...

– Пройдишь?!.. Без зонта... И так уже промок...

– Потерпишь, не сахарный...

Вскоре разговор затих. Тишину вечерних улиц нарушали только шум проезжавших мимо конных экипажей, шаги немногочисленных прохожих да далёкий лай собак...

Странный визит

В большой гостиной особняка российского посла, удобно расположившись в глубоких креслах, придвинутых к начинавшему гаснуть камину, в ожидании вечерней трапезы сидели трое: хозяйка дома и гостивший у них родственник – морской офицер в чине мичмана.

Добротная и солидная обстановка залы говорила о высоком статусе хозяина. И пусть мебель от времени несколько потускнела, в ней уже не было прежней яркости лака, зато она приобрела налёт некой романтической старины, что только подчёркивало её качество и статуйность владельца. Значимость хозяина дополнял также и григорианский камин, выложенный в стиле Палладио мрамором и элементами из тёмного камня. А вот большой ковёр на полу в общий интерьер явно не вписывался: не в меру яркий и, по всей видимости, недавно приобретённый.

Сверкая малиновыми искорками, прогоревшие дрова в камине слегка дымились: чуть-чуть пахивало дымком. Одна из свечей напольного канделябра, неожиданно пыхнув остатком фитиля, погасла и закоптила. И хотя в гостиной не стало темнее, и света было вполне достаточно, из глубины одного из кресел тут же раздался недовольный женский голос:

– Ну вот, опять сгорела, подлая! Денег на эти свечи не напасёшься...

На изящном столике с гнутыми ножками лежали небрежно разбросанные газеты, тут же – фарфоровый кофейник, вазочка с печеньем и три маленькие чашечки.

Посол России в Великобритании барон Филипп Иванович Бруннов вместе с супругой и родственником вел неспешный разговор, и все пили кофе.

В домашнем халате, с шарфом на шее, вытянув вперёд укутанные шерстяным пледом ноги, посол лениво, часто невпопад отвечал на вопросы супруги.

Родственник, прикрыв глаза, в разговоре старших почти не участвовал – дремал. Беседовали в основном супруги и то, видимо, больше для приличия, дабы уж совсем не молчать при родственнике, и по большей части говорила супруга. Был слышен её нудный сварливый голос, настойчиво намекавший мужу о нехватке денег в семейном бюджете в связи с дороговизной продуктов, свечей, а главное – дров.

Думая о своём, Филипп Иванович прихлёбывал уже успевший остыть ароматный кофе, на причитания жены только укоризненно покачивал головой и, вздыхая, бубнил:

– Это Лондон, Шарлотта! А что ты хотела, матушка: в Европе – революции, кругом – кризис. Смотри, что в Австрии венгры творят... Хотят выйти из состава Австро-Венгрии. Не позавидуешь императору Фердинанду. По его нижайшей просьбе к нашему императору русские войска усмиряют бунтовщиков. Потом опять Европа будет злословить, мол, русские – душители свободы...

И жене было непонятно: то ли муж тотчас примет меры к пополнению бюджета, то ли он осуждает англичан за скачущие цены на рынках, то ли переживает за Фердинанда. Однако что-либо уточнить она не решалась, знала – бесполезно.

Пятидесятилетний посол наружность имел, прямо скажем, совсем не привлекательную: рослый, фигура – тучная, оканчивающаяся большой бритой головой с тяжёлой челюстью. Его мясистое лицо, не выражавшее ничего, кроме безразличия, на ответственных встречах (что часто сбивало с толку противную сторону), как правило, и в домашней обстановке оставалось таким же – безучастным к житейским проблемам.

Свой высокий пост Филипп Иванович занимал уже много лет и получил его не только благодаря способностям и знаниям, но и из-за своего происхождения. Чего скрывать, он был потомком померанских рыцарей, берущих своё начало с XV века. Однако, помимо сказанного, потомок рыцарей обладал ещё весьма красивым почерком и безупречным стилем составления

дипломатических документов. Когда-то именно на это и обратил внимание тогда ещё вице-канцлер России Карл Васильевич Нессельроде².

Под стать своему дядюшке, но, слава богу, не внешностью, был и молодой человек: тоже рослый и тоже с крупной головой, широкоплечий шатен с аккуратными усиками, делающими его внешность не только более взрослой, но и весьма привлекательной. Двадцати лет от роду, он впервые оказался в Англии, да, пожалуй, и за границей тоже. По указанию морского ведомства родственник посла изучал строительство кораблей на паровой тяге – пароходо-фрегатов. Как раз такой корабль по заказу России строился на одной из английских верфей и уже был на выходе: на нём вот-вот начнутся швартовые и ходовые испытания. Так, по крайней мере, совсем недавно находясь в гостях у посла, заверил командир этого корабля капитан 1 ранга Владимир Корнилов.

Филиппу Ивановичу сорокасемилетний морской офицер понравился. В ладно сидящем мундире с эполетами, среднего роста, с тонкой и стройной талией, с правильным, почти классическим профилем и почему-то всегда со строгим выражением лица, Корнилов производил впечатление умного и преданного своему делу офицера.

Бруннов украдкой бросил взгляд на своего родственника. Полусонное состояние мичмана, развалившегося в кресле, несколько диссонировало с возникшим перед глазами портретом Корнилова. Но посол успокаивал себя: «У парня всё ещё впереди».

В свободное от службы время мичман всегда наносил визиты своим высокопоставленным родственникам, попутно знакомясь с достопримечательностями этого большого и красивого города. Вот и теперь, после очередной прогулки по городу, сидя в полудрёмном состоянии, он мысленно перебирал свои впечатления. А их было много...

«Уже молчу о корабле, пар – дело новое, нужное, за ним будущее, но сам Лондон... Впечатляет! Чего стоит только один музей восковых фигур мадам Тюссо на Бейкер-стрит... Вольтер и Жан-Жак Руссо стоят там словно живые. А «Кабинет ужасов»... Аж страшно... Жаль, стажировка заканчивается...» – лениво размышлял про себя родственник, по привычке приглаживая свои усики.

Посол тоже размышлял, но вслух. Его тревожило запланированное на этот вечер посещение некоего Шарля-Луи Наполеона, слуга которого ещё вчера предупредил о визите своего хозяина.

– Странный визит... И почему в воскресный день да ещё поздним вечером?.. Ужо и не знаю, по парадку одеваться аль нет. Родственником как-никак Наполеону Бонапарту этот Шарль-Луи приходится, – проворчал Филипп Иванович. – Племянник этого самого аспида Наполеона I, косточки коего, поди, истлели ужо за четверть века.

– А имя-то потомкам своё оставил, антихрист... Да ещё какое!.. Ты, батюшка, сам расуди: как принять такого визитёра в халате-то? Чай, пусть видит иконостас на твоей груди. Одних орденов у тебя, почитай, аж восемь штук... – подала голос жена посла.

– Тётушка! Нашли чем удивлять! У этого племянника, глядишь, тех орденов поболее будет. Наполеон же!.. – не открывая глаз, лениво высказал своё мнение молодой человек.

– Верно, конечно, матушка. А ты, Антоша, знать должён: протокол есть протокол. Но тут закавыка: протокол не про гостя писан. Беглый он заключённый... Какой тут протокол?.. Переворот, вишь ли, захотел сотворить в Париже этот Наполеоша. Законного французского короля сместить и республику, аль ещё чего, провозгласить. Эк выдумал! Однако, слава богу, не случилось! Посадили бунтаря на семь лет в крепость Гам, что во Франции. Так этот антихрист в том годе сбежал оттудова и в Бельгию подался, а ужо потом сюда – в Лондон. Англичане, хотя враждуют с французами, а пригрели беспокойного родственника Наполеона на всякий случай.

² Канцлер Российской империи Нессельроде Карл Вильгельмович (Васильевич).

Живёт шельмец в роскоши на Сент-Джонс Вуд³ и, заметьте, не с кем-нибудь, а с первой городской красавицей мисс Харриет Говард – молодой, богатой и со связями. Вот этот революционер и хорохорится, политического деятеля из себя строит. Тоже мне Бонапарт Наполеон!.. И потом, как пишет посол во Франции Петр Петрович Пален, в тюрьме этого Шарля-Луи посещали многие известные личности, но вызывает подозрение одна – лорд Малмсбери, представитель известной фамилии английских дипломатов. Ты, Антоша, поди, и не слыхивал о таком.

В знак согласия родственник вяло кивнул головой.

– А кто его послал? – продолжил Филипп Иванович. – О чём они беседовали, неизвестно. А не ведёт ли этот Наполеон двойную игру?.. Нет, официальный приём негоже делать. Не буду одеваться парадно.

Приняв решение, Филипп Иванович глубоко и с удовлетворением вздохнул и тут же чихнул. Не найдя в карманах халата платка, чертыхнулся, с недовольным видом скинул на пол плед, зевнул и энергично поднялся. Почёсываясь, он подошёл к окну и, несколько поднатужившись, приподнял раму.

В гостиную хлынул свежий влажный воздух, смешанный с тонким запахом кофе, идущим из расположенной невдалеке старой и весьма популярной кофейни Ллойда. Заведение-то старое, более ста пятидесяти лет, да именно это и привлекает жителей и гостей: многие хотят посидеть на дубовых стульях, где сживали их деды и прадеды – капитаны кораблей, больше похожие на пиратов, судовладельцы, морские брокеры и банкиры. Довольно часто бывал там и Филипп Иванович. Пустовала кофейня Эдварда Ллойда весьма редко.

– Филипп Иванович, батюшка! Как можно? Пожалуйста, закрой окно. Сквозняк! Простудишься сам и Антошу застудишь, – запричитала жена.

Назло супруге Филипп Иванович поднял окно ещё выше, пробурчав: – Не бойсь, Шарлотта! Меня не продует, а мичман к ветрам привыкшим долён быть!

За окном – поздний вечер. Лондонская погода и в воскресный день не баловала: слякоть, мелкий дождь сыплет и сыплет...

Хмуро и со скучающим видом барон стал разглядывать улицу. По булыжной мостовой уныло плелись одиночные экипажи, выбивая колёсами характерный дробный звук, да прохожие, обходя лужи, торопились по своим делам.

Вот показалась пассажирская карета, запряженная четвёркой уставших лошадей. Даже при свете фонарей было видно, что карета прибыла издалека: животные едва переставляли ноги. На козлах рядом с кучером крупного телосложения под зонтом сидел мальчишка. На плоской крыше стояло несколько корзин, укрытых холстиной. Небольшое оконце салона было наглухо задёрнуто занавеской: пассажиров не было видно. Тарахтя колёсами, карета медленно проплыла мимо дома посла, держа путь на городскую стоянку.

Неподалёку сердито и хрипло залаяла собака, из-за раскидистого дерева, что напротив дома, мелькнул огонёк, и всё опять затихло.

С улицы в комнату стали залетать капельки дождя. Опять чертыхнувшись, Филипп Иванович опустил окно.

– Семь лет живу здесь, а привыкнуть не могу. Как эти бритты живут в такой слякоти? Ни лета нормального, ни зимой тебе мороза приличного... Тьфу!.. – пробурчал он. – Может, оттого и министры у королевы бестолковые. Упрямы со странностями в английском духе. Хотят всегда одного, а поступают совершенно противоположно своему желанию. Устал я общаться с этими англичанами, ей Богу, устал.

– Кстати, дядюшка, – лениво произнёс племянник, – а почему «бритты»?.. От Британии?..

³ Престижный район [Лондона](#),

Филипп Иванович опять сел в кресло, накинул на ноги плед, отпил из чашки кофе и заговорил тем же ленивым, что и родственник, голосом:

– Сказать честно, достоверной версии пока не существует. Но есть легенда, будто бы римский полководец Цезарь где-то оставил запись о галльских войнах: мол, эти варвары-кельты красят свои тела в синий цвет, чтобы в битве иметь устрашающий вид. Но то ли это просто краска, то ли татуировка с краской, точно неизвестно. Вот в Европе позже и стали эти племена называть кельтским словом «претани», что означает «раскрашенный», «татуированный». Видимо, от этого слова впоследствии и произошло название «Британия...» Так это или нет, история умалчивает.

– Выходит, римляне варварами называли предков англичан? А теперь так называют нас, русских? А мы кому передадим это определение?.. А, Филипп Иванович? – с ехидцей в голосе произнёс родственник. – Очень хотелось бы вернуть сие определение «раскрашенным» обратно.

Бруннов не ответил. Но, видимо, слова Антона пришлись по душе послу, и он улыбнулся.

В это время со скрипом открылась дверь. Показалась голова служанки.

– К вам гость, Филипп Иванович. Смешной такой... Говорит, что француз, а сам на ишпанца смахивает.

– Приглашай, Марфа. Только забери сперва чайник и чашки. Завари кофе – французы его любят. Хотя подожди. Узнай у этого «ишпанца», кофе аль чай с молоком пить будет, аль чё покрепче. А ты, матушка, иди к себе. Наполеон, поди, пришёл не кофеи с нами распивать. А ты останься, Антон. Послушай, об чём беседа будет.

Супруга посла нехотя встала, не спеша размотала на себе плед и медленно малыми шажками направилась к выходу. Ей страсть как хотелось поглядеть на знаменитого родственника самого Бонапарта Наполеона.

И она, к своему удовольствию, столкнулась с ним в двери. Гость в зеленом сюртуке с застёгнутыми пуговицами до самого подбородка галантно раскланялся с женщиной (уж что-то, а это французы делать мастера).

– Нас покидает такая очаровательная дама? Сударыня, почту за честь побыть в компании с вами, – голосом с интонацией дамского угодника произнёс гость на французском языке.

Шарлотта уже было остановилась, раздумывая, а не остаться ли ей... Но любезный поклонник очаровательных дам поспешно добавил:

– Как жаль, что уходите, мадам! – и бесцеремонно прошёл в гостиную.

«Очаровательная дама» бросила в сторону гостя томный взгляд и, покачивая толстым задом, протиснулась в проём двери.

Антоша ухмыльнулся. Чтобы не рассмеяться (родственница всё ж), отвернулся. При приближении француза молодой человек поднялся с кресла.

Мужчины галантно раскланялись. Установилась неловкая пауза. Не встречавшиеся ранее джентльмены пристально изучали друг друга.

Вид российского посла в домашнем халате француза расстроил. Его усы и коротко стриженная борода дрогнули, губы недовольно скривились, брови нахмурились. Острые светлогриазные глаза, только что внимательно обшаривающие нескладную фигуру посла, зло блеснули.

Филипп Иванович заметил недовольство визитёра, чему совсем не огорчился, и демонстративно хмыкнул. О госте он был ранее наслышан, читал даже лишённые оригинальности его наивные политические брошюры. Однако воочию этого Наполеона видел впервые. Как опытному дипломату, ему хватило совсем немного времени, чтобы составить для себя портрет гостя:

«Росту небольшого, возраст – сорок лет, не более. Рыжеватая козлиная борода, усы стрелками... Вытянутый овал лица, тонкий нос, высокий лоб... Внешность заурядная, без видимого, на первый взгляд, внешнего сходства с великим родственником. Черты лица вялые,

капризные. Вот только глаза... красивые и с какой-то загадочной глубиной. Где-то там, в этой глубине, светился огонёк неугомонности и непомерного тщеславия. Не мудрено!.. Как же, фамилия обязывает. Видать, потаённые надежды на будущее не покидают родственника великого злодея-императора».

И что ещё неприятно поразило Филиппа Ивановича: этот огонёк тщеславия рвался наружу. Посол даже испугался результатов своих наблюдений.

«Точно будет денег просить на свои прожекты, – решил он. – Вялые черты лица – маска для прикрытия бунтарских наклонностей... Весьма опасный тип. Подальше надо от него держаться. А Марфа права, на испанского гранда действительно похож, но без фамильярной привилегии надевать свою шляпу в присутствии короля без его на то разрешения. Здесь другой шарм нужен».

Размышления посла прервала служанка: внесла поднос с очередным кофейником и чашками.

Широко улыбнувшись, Филипп Иванович гостеприимно пригласил француза к столу. Лицо барона приобрело отпечаток прямодушной откровенности, который приобретают только весьма искушённые в политике лица.

Из уважения к гостю говорить посол стал на его родном языке. Филипп Иванович представил Наполеону родственника.

Антон почтительно склонил голову и, слегка щёлкнув каблуками, тоже на французском произнёс:

– Антон Аниканов, – и горделиво добавил: – Мичман флота его императорского величества.

– Да-да, Антоша только-только получил сие звание. После окончания Морского кадетского корпуса он более года прослужил на флоте гардемаринном. Сейчас заканчивает стажироваться на пароходо-фрегате, что строится на местной верфи. И двое его братьев тоже служат на флотах России-матушки. Думаю, они тоже весьма скоро получают мичманские звания, – уточнил Филипп Иванович.

– Похвально, – равнодушно кивнул гость в сторону родственника.

Мужчины сели.

– Пожалуйте, сударь, кофе. А горячего грога не желаете?.. В дороге, поди, промёрзли, весна нынче холодная. Антоша, не ленись, сходи, прикажи подать сей божественный напиток.

Молодой человек вышел и вскоре вернулся.

– Как вам аглицкая погода, сударь? После прекрасной Франции к лондонской сырости привыкнуть весьма трудно, не так ли? Да, поди, и скучно вам здесь?

– Что вам сказать, господин посол? Человек – такое создание божье, что привыкнет и к аду небесному, а коль надо будет, и с чертями найдёт общий язык. А у меня, как вы сами понимаете, особого выбора нет. За шесть лет тюрьмы я ко многому привык. Случай представился – сбежал. Зачем, когда всего один год остался, и сам не пойму.

Посол сделал удивлённое лицо.

– Видимо, так было угодно моему ангелу-хранителю, – поспешил уточнить гость. – Но, сказать честно, сударь, скучать мне и в тюрьме не приходилось. Я холостой, как вы, надеюсь, знаете, но я трудился... – француз ухмыльнулся. – Двое прекрасных мальчишек – тому подтверждение. А в перерывах между этими трудными занятиями, – тут Наполеон рассмеялся, – пописывал статейки и прочее. Уж не знаю, знакомы ли вы с моими книгами, писанными в тюрьме: «Об уничтожении пауперизма» и «О прошедшем и будущем артиллерии». Весьма занятные книжонки, я вам скажу.

Как и все пишущие люди, считающие, что их нелёгкий писательский труд очень интересен окружающим, Луи Наполеон замечтался. Он вдруг представил себя великим философом, учёным с мировым именем...

– А ещё, господа, я статью написал о возможности прорытия канала на Панамском перешейке для соединения Атлантического океана с Тихим...

Но тут гость спохватился. Он взглянул на хозяина квартиры, сидящего с лицом, выражение которого ничего, кроме скуки, не выражало, на сонного племянника и сменил тему беседы.

Приняв вид довольного своей жизнью человека, Наполеон продолжил:

– Да я и в Лондоне не скучаю. В Чизлхерсте⁴ часто бываю, а там моих сородичей больше, чем англичан. Есть чем себя занять.

Филипп Иванович отметил на лице гостя едва заметное судорожное подёргивание. Приоткрытые, как у маленьких детей, губы, вздёрнутые брови и, опять же, глаза, придавали ему воинственное, хотя и рассеянное выражение, какое бывает у нетерпеливых людей, стремящихся поскорее приступить к главной цели своего визита.

Положив одну руку на пояс, другой картинно упёршись в край стола, отчего его фигура приобрела некоторую монументальность, со свойственной французам горячностью Наполеон произнёс:

– Господин посол! Примите мои извинения за столь неудачно выбранный для визита день, но этого требуют обстоятельства. Мне, сударь, не хотелось бы лишний раз привлекать внимание к своей особе и, конечно, к нашей с вами встрече. Начальники этих лондонских «бобби»⁵ – Чарльз Роуэн и Ричард Мейнон – строго-настрого меня предупредили о нежелательности контактов с послами иностранных государств, а с вами, русскими, – тем более. Но думаю, что ищейки с Уайт-холла⁶ по воскресным дням не работают. Так что сами понимаете...

– Понимаю, конечно, сударь. Я вас внимательно слушаю.

– Господин посол, вы, конечно, знаете, что творится в Европе. Первая половина девятнадцатого века!.. Боже, как время бежит... Франция, Италия, Венгрия охвачены национальными волнениями. Идеи равенства, братства и свободы, в общем, всякая модная нынче чушь, витают кругом. Да что далеко ходить, в свет весьма скоро выйдет труд, а я это знаю наверняка, мой знакомый издатель сообщил, неких авторов: Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сей труд будет называться «Манифест Коммунистической партии». Как пишут эти господа: «Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма», видите ли. Вот вам, господин посол, реальный трактат, призывающий к революционным идеям по переустройству общества. Народные массы бурлят, они хотят революций. И совершенно нет гарантий, что эти вольнодумные идеи не залетят в вашу страну, Россию.

Манерно, двумя пальчиками Наполеон взял со стола чашку с кофе, втянул в себя аромат свежесваренного напитка и с той же манерностью, закатив глаза, осторожно сделал два небольших глотка.

Филипп Иванович молчал, с гостем не спорил. Теперь он был точно уверен, что француз пришёл за деньгами. Видимо, опять хочет подпрячься в бунтарскую телегу, грохочущую по дорогам Европы, да без денег-то как? Такое сие невозможно. Вопрос лишь: сколько?

А Луи Наполеон продолжал:

– Не мне вам говорить: лондонские газеты и The Times и Observer и Sunday Times полны статей на эту тему.

⁴ Пригород юго-восточного Лондона.

⁵ В честь бывшего министра внутренних дел Роберта Пиля (уменьшительное – Бобби) английских полицейских окрестили «бобби».

⁶ Первоначальный адрес полиции Большого Лондона (Скотланд-Ярд).

– Вынужден с вами согласиться, сударь. Даже News of the World, что выходит в Лондоне лишь по воскресным дням, и та стала популярной благодаря публикациям именно этих модных материалов. А издаётся эта газета специально для простого рабочего люда. И тираж её растёт! И здесь я с вами вынужден буду согласиться, действительно опасно, сударь.

– Вот-вот! – энергично произнёс Луи Наполеон. – О чём сие говорит?.. Теперь это не просто кулуарные разговоры в салонах и клубах, а горячее обсуждение идей, завораживающих своими красивыми, но совершенно пустыми посулами. Красивые слова будоражат массы, что, согласитесь, господа, весьма опасно.

В это время вошла Марфа. Она внесла поднос, на котором стояли серебряные бокалы и кувшин с горячим грогом. Вопросительно посмотрев на Филиппа Ивановича, она, не дожидаясь его знака, осторожно разлила грог. Хмельной запах напитка, сдобренного разными специями, заполнил помещение. Мужчины принялись, машинально потянув носом.

Антон, внимательно наблюдавший за диалогом старших товарищей, тоже не преминул похвастаться своей осведомлённостью:

– У нас на корабле слухи ходят, что в Венгрии, коль верить газетам, особенно в её южных районах, совсем не спокойно. Трещит по швам Австро-Венгерская империя. Ой как трещит. Венгры бунтуют, пытаются выйти из состава Австрии. Да и северная Италия того же желает. В Париже строят баррикады. Народные волнения в Германии. А покровительствует этим событиям Великобритания в лице, ну, если верить тем же лондонским газетам, лорд Палмерстон И чем всё закончится – неизвестно.⁷

В знак согласия с молодым человеком Филипп Иванович и Луи Наполеон снисходительно кивнули.

– Великая вещь, господа, – газеты! Так вот, господин посол, я написал письмо вашему императору, в котором изложил своё видение европейских дел и план, как всё подправить. Для чего и хочу попросить аудиенции у Николая I. При получении согласия готов немедленно выехать в Петербург.

Бруннов удивлённо взглянул на гостя.

– Позвольте вас спросить, сударь, а какую же причину столь неожиданного предложения я обязан сообщить своему начальству, в частности, генерал-лейтенанту Орлову, начальнику третьего Собственного его императорского величества отделения. Именно он, Алексей Фёдорович, принимает подобные решения.

Наполеон удивлённо вскинул голову:

– Хм... Причину?.. А разве вашего царя не беспокоят национально-революционные события в Европе? Я и мои сподвижники могли бы совместно с Россией бороться против этих самых революций. Конечно, для этого нужны деньги, и немалые, господин посол, о чём я тоже изложил в послании. А ещё я хотел бы лично выразить вашему государю признательность за доброе отношение к моей матери, ныне покойной, Гортензии де Богарне, проявленное вашим императором Александром в 1814 году. Да и вообще хотел бы ознакомиться с Россией, это моя давняя мечта. Чем же не причины для встречи с государем? И потом, господин посол, молодой человек не зря упомянул лорда Палмерстона – умный и коварный, так называемый либерал. Думаю, действительно по его плану происходят все эти революции. Австро-Венгрия – империя, что опасно для Англии в её стремлении править миром. Турция тоже империя, но слабая и Англии не опасна. Османы уже не в счёт.

И, словно отгоняя назойливую муху, француз небрежно махнул рукой.

– Остаётся вы, господин посол, – Россия! Великобритания не потерпит равных, а тем более сильных, рядом с собой.

⁷ Генри Джон Темпл (1784-1865) 3-й виконт Палмерстон – английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной и внешней политикой Великобритании.

Наполеон замолчал. Его глаза под нахмуренными бровями смотрели на посла пристально и с некоторым недоумением.

«Господи, какие же тупые эти русские... Какая ещё нужна весомая причина для моей встречи с их императором?» – мысленно удивлялся он.

– Вынужден с вами согласиться, сударь. Не зря Великобритания не вошла в «Священный союз»⁸. Снаружи его легче развалить: недовольство масс, революции, кризисы в Европе – конечно, дело рук англичан... Они всё делают, чтобы лишить мою страну европейской поддержки. Однако надеюсь, у них хватит ума не строить так нагло козни в отношении России, – произнёс Бруннов.

Затем, словно вспомнив о просьбе Наполеона, добавил:

– Ну, посетить Россию, сударь, – милости просим. Никто вам мешать не будет... А вот личная встреча с государем... Вопрос далеко не простой. Вы – лицо частное, к тому же... Ну, вы понимаете, о чём я говорю. Но я обязательно отправлю ваше послание господину Орлову наипервейшей оказией. Не сомневайтесь, сударь! Тем более, эта оказия будет через два дня на корабле, на котором мой племянник Антон отбывает в Санкт-Петербург.

Наполеон расстегнул верхние пуговицы фрака, вытащил из внутреннего кармана письмо и, помахав им в воздухе, словно ещё раздумывая, решительно положил конверт на стол.

Не сговариваясь, мужчины сделали по глотку грога и, посмаковав напиток, допили уже остывший кофе.

Поговорив ещё некоторое время, гость заторопился. Церемонно раскланявшись с хозяином и его родственником, Шарль-Луи Наполеон покинул дом русского посла.

Филипп Иванович подошёл к окну. Дождь продолжал моросить. В свете уличного фонаря он разглядел, как задрапированный в длинный плащ с пелериной, в глубоко надвинутой шляпе с узкими полями визитёр усаживается в чёрный неприметный кэб. Возница услужливо подал пассажиру руку.

Мимо кареты в это время не спеша прогуливался прохожий.

«Странно, – отметил Филипп Иванович, – без зонта».

На мгновение прохожий остановился возле кэба и затем неспешной походкой продолжил свой путь.

А Шарль-Луи перед тем, как окончательно нырнуть внутрь салона, бросил взгляд на окно. На какую-то долю секунды взгляды недавних собеседников встретились. В свете уличного фонаря посол разглядел на лице француза явно недобрую усмешку.

«К чему бы это? – удивился он. – Да нет, показалось... Что может замышлять неудавшийся политик с тюремным сроком... Пусть и Наполеон...» – успокоил себя Филипп Иванович.

Кэб тронулся, затарахтели колеса, дробно застучали копыта лошадей по мостовой, и вскоре странный визитёр скрылся за пеленой мелкого дождика.

– Франция меня не сильно беспокоит. Отношения у нас с ней неплохие. С королевой английской после недавнего визита государя тоже вроде бы... А вот с правительством её величества не всё так просто... Англия есть Англия, Антоша, – продолжая разглядывать сквозь окно улицу, нравоучительно заговорил Филипп Иванович.

– Интересный народ – англичане, Антон. Как нация они образовались из германских племён англо-саксов, фризов и ютов, и в своё время все вместе ассимилировали местное население – кельтов. Свою лепту, конечно, внесли скандинавы и норманны. В общем, получилась весьма гремучая смесь. А потом англы, саксы и норманны довольно скоро слились в единый народ. И нация, надо признать, получилась предприимчивая и наглая: живенько нахва-

⁸ «Священный союз» – союз [России](#), [Пруссии](#), [Австрии](#) и других стран (кроме Англии, Турции и Римского Папы), созданный с целью поддержания [международного правопорядка](#) в Европе.

тала колоний и там расселилась. Америка, Канада, Австралия, Новая Зеландия и, конечно, Индия... Богатства рекой текут сюда, в Лондон. Отсюда и могущество англосаксов, и огромный флот, и влияние в мире...

– Да нам-то тоже грех жаловаться, Филипп Иванович. И мы вроде не бедные. Вон сколько землицы у нас.

– Что верно, то верно!

Филипп Иванович отошёл от окна и сел в кресло.

– Ма-лю-се-нь-кое только уточнение, Антоша: у нас нет колоний. Мы, в отличие от англосаксов, не грабим территории, что под скипетром российским находятся, а живём единой жизнью и с ними, и со всеми народностями. Бриты не прочь и у нас откусить землицы, им только дай послабление... Ухо остро с ними держать надобно.

– Напасть, что ли, на нас могут? Да нешто такое возможно, Филипп Иванович?

– Всё возможно, Антон. Я не перестаю удивляться, как удаётся кучке развратных английских аристократов на этом ничтожном островке строить козни против всего мира? – с раздражением произнёс Филипп Иванович.

И тут же с ещё большим недовольством добавил:

– Всюду этот Палмерстон нос свой суёт. И не стесняется, поганец, заявлять в парламенте: где бы, мол, в мире ни оказался британец, он может сделать все что угодно, ибо за ним – Англия, а за ней – мощь королевского флота. Вот потому-то чванливые аристократы Туманного Альбиона так нагло провоцируют в Европе революции. Тьфу...

– Теперь этот странный визит француза... – сочувственно произнёс родственник. – Интересно, разрешат ему встречу с нашим императором? Ежели что, этот родственник Наполеона и к англичанам может обратиться за поддержкой.

– Не думаю. Между Англией и Францией – вековая вражда за те же колонии. И потом, англичане – смертельные враги его дяди, Наполеона I. Вряд ли французы пойдут на сближение с ними в ближайшие десятилетия... И хотя их монархи обменялись обоюдными визитами, пустое всё это: истеблишмент обеих стран во главе с правительствами терпеть не могут друг друга. Правда, не скрою, меня несколько встревожило посещение в тюрьме Шарля Наполеона лордом Малмсбери⁹, о чём скромно умолчал наш сегодняшний визитёр. И потом... этот неожиданный побег француза из тюрьмы после randevу с англичанином... И это за год до его освобождения?!.. Не англичане ли помогли?.. Хотят наладить отношения между собой? Вряд ли, конечно... Однако сие не может не настораживать.

Посол помолчал и добавил:

– И всё же я не вижу причин для сближения этих стран. Нет, не вижу... – Он тяжело вздохнул и как-то не совсем уверенно произнёс: – Вряд ли, Антон, я буду рекомендовать Петербургу randevу нашего императора с беглым арестантом. Не думаю, что этот Наполеон будет полезен нам. Какой из него теперь политический деятель?.. Но решать сие в столице есть кому. К тому же моему шефу Карлу Васильевичу пиши не пиши, а всё равно он выскажет удобное для государя мнение. Зачем раздражать царя-батюшку?.. Потому-то столько лет канцлер и сидит на своем месте.

Затем Филипп Иванович подошёл к камину, взял каминную кочергу изящной работы и, похлопывая ею угли, произнёс:

– Я, Антоша, с тобой письмо передам Карлу Васильевичу. Думаю, канцлер и тебя, и братьев твоих, Михаила и Григория, без своего внимания не оставит. А уж как там дальше будет, вам решать. Господь ведь нам только жизнь даёт, а судьбу свою каждый сам выбирает.

Филипп Иванович перекрестился и произнес:

⁹ Видный политический деятель Англии.

– Давай, мичман, собирайся, пора ужинать. Тётка твоя изнервничалась, поди, нас ожидаючи.

Подходя к двери, он неожиданно обернулся. На его лице появилась грустная улыбка.

– Эх, молодость, молодость! Гляжу я на тебя, Антон, и завидую. Всё у тебя ещё впереди: и радости, и огорчения!

Затем он с опасением посмотрел на дверь: не открыта ли? И почти шёпотом проговорил:

– А вот к моему совету прислушайся. Коль хочешь жить в свое удовольствие и уважать себя, не женись, Антоша, как можно дольше, – и, заговорщицки приставив палец к губам, вышел.

Вскоре Бруннов получил ответ из Петербурга, в котором с удовлетворением прочитал, что Шарлю-Луи Наполеону было отказано в личной аудиенции с российским императором Николаем I.

На первый взгляд, вполне логичное решение, учитывая неопределённый статус Наполеона на тот момент. Император не хотел портить отношения ни с Францией, ни с Англией из-за встречи с человеком с сомнительной репутацией. К тому же российские послы во Франции, Англии, Австрии и Берлине не рекомендовали этого делать. И император согласился с их мнением.

Ах, как опрометчиво поступил государь, отказавшись от встречи с родственником Бонапарта. Желание этого Наполеона ближе познакомиться с Россией, конечно, только предлог. Шарль-Луи искал союзников для осуществления своих бунтарских планов. И неизвестно, как бы история повернулась далее, найди он понимание с русским императором. И что оставалось французу?.. Путь один – искать союз с другой империей – Великобританией, способной дать денег на его планы.

А ведь известно: на то она и политика, чтобы знать о деяниях противников сегодня и предвидеть их действия в будущем.

Скоро, совсем скоро уверенность Николая I в полной лояльности к нему Европы, помноженная на доклады российских политиков, что Европа не способна выступать единым фронтом, приведёт Россию к большой беде.

А Европа бурлила. В первой половине девятнадцатого века экономику европейских государств охватил кризис, приведший к снижению производства и обесцениванию денег. Массово закрывались предприятия. Отсюда – безработица и недовольства. Во многих европейских странах начались народные выступления. Особенной активностью отличалась Австро-Венгрия: венгры захотели выйти из состава империи Габсбургов...

Не отставала от бастующих венгров спокойная и сытая Пруссия, недовольная в рамках Германского союза доминирующим положением австрийской империей: немцы требовали от своего правительства экономических преобразований.

Все это создавало в наэлектризованной революционными идеями Европе дополнительные условия для новых массовых выступлений. И они, эти выступления, не замедлили случиться во Франции, Италии, Бельгии...

23 февраля¹⁰ 1848 года во Франции разразилась настоящая революция. Толпы восставших захватили жизненно важные узлы, предприятия и учреждения Парижа. На улицах гремела «Марсельеза»¹¹. В создавшейся ситуации король Франции Луи-Филипп вынужден был оставить престол и бежать в Англию. Монархия в стране была свергнута. Франция была объявлена республикой. Парламент учредил Временное правительство.

В апреле 1848 года Шарль-Луи Наполеон покинул Лондон и вернулся на родину, где его сторонники развили бурную политическую деятельность. Однако деятельность Наполеона

¹⁰ Здесь и далее даты даны по старому стилю.

¹¹ С ноября 1793 года – государственный гимн Франции.

понравилась не всем: он опять был выслан из страны, теперь уже вновь созданным народным правительством. Казалось бы, племяннику бывшего императора Франции рассчитывать было не на что... Но сторонники монархии, бонапартисты, заочно выдвинули Наполеона кандидатом в учредительное собрание. И, о чудо!.. Он победил в четырёх департаментах. Но радоваться Наполеону было рано: республиканцы признали незаконным его выдвижение.

Политические бури в стране, а главное – нежелание партий договориться между собой, привели в сентябре 1848 года к дополнительным выборам, на которых бывший арестант наконец-то стал законным депутатом учредительного собрания.

И вот в декабре 1848 года происходит ещё одно чудо... Сторонникам Шарля-Луи Наполеона удалось избрать своего лидера с популярной в народе фамилией президентом Франции!.. За него проголосовало абсолютное большинство граждан – около пяти с половиной миллионов! Его главный соперник получил в три раза меньше. Однако честолюбивые замыслы Наполеона шли дальше.

2 декабря 1851 года Шарль-Луи Наполеон организовал государственный переворот, арестовал и заточил в тюрьму всех своих противников. Теперь оставалось только одно – объявить себя императором... Что он и сделал.

Ровно через год, в конце 1852 года, под именем Наполеон III Шарль-Луи Наполеон объявил себя императором Франции. Так, во Франции была установлена Вторая империя.

С удвоенной силой закрипели перья всех дипломатов Европы. Барон Бруннов доносил Нессельроде, что в Лондоне все очень встревожены событиями в Париже, что там боятся войны, которую может начать новый император Франции, начиненный, как бомба, «наполеоновскими идеями», что трехсоттысячная армия французов будто бы уже начинает бряцать оружием, дабы придать больше блеска ореолу племянника воинственного дяди. И поговаривают, что первой жертвой может стать Германия.

На этом донесении Николай I размашисто и уверенно начертал: «Если Франция и начнет войну, то начнёт её против Англии, так как это более вероятно, чем возможно».

– Англия совершенно не способна к сухопутной войне, господа, – говорил император своим приближённым. – Она имеет прекрасный флот, но не имеет значительных сухопутных сил, а с кем же и воевать Франции, как не с соседом, не имеющим большой армии?!.. Да-да, господа, она замарширует на северо-запад.

И политики Лондона стали готовить все доводы к тому, чтобы тучу, нависшую над ними и готовую вот-вот выпустить свои молнии, направить с территории Франции на юго-восток.

А русские послы в Европе в своих докладах в Петербург не всегда верно освещали положение дел в этих странах. Они не уловили разжигаемую англичанами русофобию и тенденцию сближения государств на идее негативного отношения к России. Канцлер Нессельроде, если и чувствовал враждебное отношение к своей стране, скрытое за маской дипломатической болтовни и приторной вежливостью, но старался лишней раз не акцентировать на этом внимание:

«Зачем расстраивать царя?..» – думал он.

А потому император не разобрался в европейской политике – хитрой, лживой и агрессивной; он переоценил непримиримость и враждебность в отношениях между Францией и Англией и одновременно понадеялся на надёжность англо-русских связей. Никто из приближённых к императору не видел (или не хотел видеть) главного: за спиной императора Николая I горячо любимая им Англия договорилась с Францией о совместных действиях против Российской империи. Дабы иметь повод для агрессии, английский истеблишмент усиленно подталкивал Турцию на конфликт с Россией. На фоне раздутой с помощью средств массовой информации якобы агрессивной политики России Англия и Франция постепенно накапливали силы на подступах к её границам. На верфях и в портах Великобритании, Франции и частично Турции шла интенсивная подготовка к военным походам на Восток.

К концу 1852 года Россия оказалась без союзников, но об этом император Николай I еще не догадывался, он был уверен, что его империя сильна как никогда.

Ах, как ошибался государь...

И чтобы убедиться в этом, давайте, судари, возьмём зонтики и опять заглянем в дождливый город Лондон, где подслушаем один весьма интересный разговор...

Лорд Палмерстон

«Как трудно жить, когда с
Россией никто не воюет».
Лорд Палмерстон.
Конец декабря 1852 года.

С утра, как обычно, пасмурно. И хотя дождь, по-видимому, не собирался, но, глядя из окон на серые тучи, жители Лондона знали: погода изменчива – зонты обязательны.

Сэр Генри, английский аристократ почтенного возраста, это помнил и лично проследил, чтобы этот незаменимый аксессуар слуга не позабыл подать ему перед выходом из дома.

Конец недели. Неожиданный вызов в Букингемский дворец. Его, министра иностранных дел, хочет видеть королева. Чем закончится визит, сэр Генри не знал и оттого немного волновался.

Неброская, без всяких излишеств карета, служившая сэру Генри не один год, остановилась за квартал от королевского дворца.

Из окошка салона выглянул сам хозяин. Он подозрительно посмотрел на небо, для пушей убедительности высунул наружу руку: не моросит ли дождь? И только убедившись в отсутствии такового, осторожно ступил на небольшую лесенку, предварительно опущенную слугой-кучером. Не успел сэр Генри сделать пару шагов, как к нему подскочил нищий.

От неожиданности он вздрогнул и беспомощно посмотрел на кучера. «Откуда он здесь?» – читалось в его взгляде. Слуга виновато развёл руками: мол, не ведаю...

В грязном одеянии, хотя, если приглядеться, скорее, в давно не стираной некогда приличной одежде, нищий протянул к пожилому джентльмену ладонь для милостыни. Сэр Генри невольно сделал шаг назад и поморщился: от нищего исходил неприятный запах давно не мытого тела. Нищий плутовато разглядывал подвернувшегося с утра солидного господина и, видимо, будучи опытным в таких делах, понял: без денег он не уйдёт. Весь его облик преобразился: на его губах заиграла плохо скрытая ухмылка. Вместо просителя, коим он был только что, перед сэром Генри стоял уже наглый уличный попрошайка, старавшийся подойти к джентльмену как можно ближе, дабы, по понятным причинам, ускорить процесс выдачи денег. И нищий уже не просил, он требовал. Почти на голову выше сэра Генри, попрошайка нагло поднёс свою ладонь к самому лицу пожилого господина.

Сэр Генри опять поморщился. Он понял, что этот проходимец от него не отстанет, давать все равно придётся и не стоит медлить, пока его одежда не пропиталась этим очень неприятным запахом. Сэр Генри так огорчённо и тяжело вздохнул, что ладонь нищего от испуга за старого джентльмена (а вдруг старику станет плохо с сердцем?) дрогнула.

Поспешно сунув руку в свой карман, старый джентльмен достал трехпенсовик и молча, с нескрываемой брезгливостью вложил монету в грязную ладонь нищего. Со словами «Боже, храни королеву!» попрошайка быстро-быстро, едва не бегом, поспешил удалиться.

Сэр Генри хмыкнул, удивившись такой благодарности не в свой адрес. Он ещё раз посмотрел в сторону кучера, погрозил за чем-то ему своим зонтом и, покачав головой, поспешил в сторону дворца.

Букингемский дворец, огромный и монументальный, как и сама Британская империя, стоял во всём своём великолепии напротив улиц Пэлл-Мэлл и Грин-парка, являя собой прекрасный пример архитектурного шедевра.

Выстроенный полтора столетия назад для герцога Букингемского, дворец в дальнейшем перешёл в собственность королевской семьи. Однако, несмотря на роскошество апартаментов,

не все жившие в нём были счастливы. К их числу, правда, не относилась царствующая нынче королева Виктория. Она была любима мужем, детьми и своими подданными.

Забот у монаршей особы хватало всегда. Королева многое контролировала лично. Даже в строительство дополнительного зала для официальных приёмов, огромного, почти сорок ярдов в длину и двадцать в ширину, она постоянно вмешивалась. Богатая отделка зала требовала больших средств, и королева каждый раз, согласовывая с подрядчиками цены, тяжело вздыхала и не стеснялась торговаться. Но, несмотря на это, суммы на отделку зала из казны уходили большие.

Что ж, Британская империя себе это могла позволить, хотя в воздухе уже сгушались тучи больших событий, требующих в дальнейшем громадных вложений. Каких?..

Вот на этот вопрос и должен был ответить пожилой джентльмен, сэр Генри, лорд Палмерстон. Он как раз входил в парадные двери дворца.

Сдав слугам верхнюю одежду, шляпу и зонт-трость, гость оглядел себя в большом зеркале, принялся к одежде и без сопровождения (внутренне расположение помещений он знал) направился в кабинет королевы.

Поднимаясь по широкой дворцовой лестнице на второй этаж, сэр Генри услышал раздававшиеся сверху возбуждённые детские голоса и приглушённый разговор взрослых. Очутившись на этаже, он увидел, как из распахнутой двери приёмной королевы выходят гувернантки и нянюшки, а за ними шумной толпой, толкая друг друга, идут отпрыски королевской фамилии. Вытянув по сторонам руки, нянечки создали импровизированный коридор, и гувернантки аккуратно подталкивали по нему шумную детвору в сторону открывшейся в это время двери в конце широкого коридора, возле которой стоял слуга.

«Свидание с венценосными родителями, видимо, закончено, теперь моя очередь», – решил пожилой джентльмен.

Дети неохотно покидали отца и мать. Старшие, Виктория и Альберт-Эдуард, оглядывались назад, одновременно ухитряясь толкать в спины сестру Алису и брата Альфреда. Те огрызались, и при этом все четверо дружно и громко выражали своё неудовольствие по поводу предстоящих нудных уроков. Зато младшие, Елена и Луиза, шли спокойно, тихонько переговариваясь между собой. Крохотный Артур вообще вёл себя смирно, не возмущался, как старшие, а спокойно восседал на руках одной из нянек.

Сэр Генри улыбнулся. Его умилила одна деталь: рыжеватые, в папу-немца, волосы детей.

Он с почтительным полупоклоном и вежливой улыбкой пропустил всю эту разновозрастную толпу, которая, кажется, даже и не заметила седовласого под семьдесят лет джентльмена.

Взрослые вежливо, не повышая голоса, наконец, загнали королевских отпрысков куда положено. Слуга тут же закрыл за ними дверь. Сразу стало тихо. Но тут тишину нарушил бой часов: полдень.

С последним ударом курантов из приёмной вышел камергер-распорядитель, статный, высокий, с официальным строгим лицом. Безучастно взглянув на посетителя, он вежливо произнёс:

– Прошу следовать за мной, сэр! Её величество ждёт вас.

Миновав приёмную, они подошли к широким дверям. Камергер открыл обе половинки, сделал два шага вперёд и металлическим голосом произнёс:

– Министр внутренних дел, сэр Генри Джон Темпл, третий виконт¹² лорд Палмерстон, ваше величество.

– Проси, – услышал сэр Генри хорошо знакомый мелодичный голос королевы.

Палмерстон вошел в кабинет королевы: большой, богато обставленный ещё её дедом, Георгом III, и отцом, королём Эдуардом. Как он и ожидал, королева Виктория была не одна.

¹² Титул [дворянства](#), средний между [бароном](#) и [графом](#).

Справа от пылающего камина за большим письменным столом сидел её муж, принц Альберт. Принц, по известным только ему причинам, недолго любил старого аристократа и сейчас совершенно неприлично, словно впервые видит министра своей супруги, разглядывал старого джентльмена.

Одних лет с супругой, принц выглядел моложе своей жены. Его красивое холёное лицо, обрамленное бакенбардами и аккуратными усиками, мягкий говор с небольшим, едва заметным акцентом, стройная фигура, высокий рост способствовали весьма нежному отношению королевы к своему красавцу-супругу. Брак их был счастливым, сэр Генри знал это наверняка. А как не верить: семеро принцев и принцесс только что покинули кабинет.

«При такой производительности эта пара обеспечит женихами и невестами все монархии Европы. Только за это можно каждый день начинать с восторженного «Боже, храни королеву!» – успел подумать сэр Генри, прежде чем поздороваться.

С детства не привыкший к подобострастию, виконт, склонив немного голову, сдержанно и с достоинством поздоровался с королевской четой. На лице королевы мелькнула лёгкая гримаса недовольствия, но она тут же исчезла, уступив место привитой с детства дежурной, вежливо-покровительственной улыбке. Государыня протянула своему министру руку для поцелуя.

– Сэр Генри! Я пригласила вас, чтобы выразить своё недовольствие, – капризно, но достаточно строго и внушительно, как и подобает монаршей особе, произнесла она.

Королева многозначительно взглянула на мужа и продолжила:

– Мне не нравится, когда мои подданные не ставят свою королеву в известность по весьма важным для Англии вопросам.

– И даже не согласовывают свои действия с членами кабинета, – язвительно добавил супруг.

– Ваше величество, я готов понести заслуженное наказание, коль провинился, но скажите мне причину вашего недовольства.

– Вы, виконт, как министр редко и с запозданием докладываете мне о своих действиях, а некоторые свои поспешные решения вообще скрываете от меня. Я уже высказала свои претензии главе правительства графу Абердину.

И она, отвернувшись от Палмерстона, опять посмотрела на принца.

– Вы понимаете, милорд, о чём я говорю?

– Ваше величество, вы имеете в виду мою депешу, в которой я поддержал президента Франции Шарля-Луи Наполеона в связи с его провозглашением императором? Я действительно передал это послание через нашего посла в Париже барона Коули.

Не ожидавшая такой догадливости от министра, королева, несколько другим тоном недовольно произнесла:

– Не только, но и это тоже, сэр Генри.

– Вы, милорд, поставили нас в крайне неловкое положение, – опять подал голос принц Альберт. – Вам прекрасно известно, что, несмотря на наши разногласия с Францией, мы в достаточно дружеских отношениях с её королем Луи-Филиппом. Не вы ли в 1843 году готовили наш первый за три столетия визит во Францию, Палмерстон? И теперь, когда французские бунтари сначала лишили престола законного короля, затем произвели очередной переворот, упразднили республику, объявив монархию, вы торопитесь поздравить этого выскочку Шарля-Луи Наполеона?!.. Стыдно, милорд. Стыдно!

– Видите ли, ваше величество, – глядя на королеву, несколько раздражённо и с долей иронии произнёс сэр Генри, – не Наполеон свергал короля, и моя поддержка, как министра правительства, далеко не поспешная, как вы изволили выразиться, а весьма и весьма своевременная. А что поспешил, на то были веские причины. У меня просто не было времени согласовать сие действие с вашим величеством. И потом, – он повернулся в сторону принца, – я, ваша светлость, лично поздравлял не Шарля-Луи Наполеона, а императора Франции – монарха

крупной европейской страны, которую в скором будущем хотел бы видеть в роли нашего союзника.

Во время своей речи Палмерстон дважды делал паузу, тщательно подбирая слова, чтобы избежать сарказма в адрес принца Альберта, которого недолюбливал за его не английское происхождение.

Королеве не понравился тон министра, и она, чтобы прекратить возможную перепалку между мужчинами, с лёгким укором, в котором сквозило явное недовольство, произнесла:

– Странно слышать это, милорд. Я всегда готова к общению с моими подданными, тем более с моим министром.

– Получить аудиенцию вашего величества – дело не одного дня. Протокол... Его неприлично нарушать без особой на то причины. Позвольте, ваше величество, рассказать вам маленькую предысторию моего поступка.

Королева, пожав плечами, кивнула.

– Как вы знаете, ваше величество, Шарль-Луи Наполеон за свою революционную деятельность сидел в тюрьме. Отсидев шесть лет, он в 1846 году бежал из неё к нам, в Лондон. Вы, ваше величество, сами дали на это своё разрешение.

В знак согласия королева опять кивнула.

– Так вот, живя в Лондоне, ещё в 1847 году этот Шарль-Луи тайно посетил русского посла, но наши лондонские «бобби»¹³ об этом визите узнали. О чём говорили посол Бруннов и Наполеон, мы не знаем, однако, как потом выяснилось, француз передал послу письмо, в котором просил о личной аудиенции с русским императором Николаем I. Нас тогда это весьма встревожило.

Увидев удивлённое лицо королевы, сэр Генри поспешно пояснил:

– У нас есть свой человек в Санкт-Петербурге, ваше величество.

– У этого человека есть имя? – поинтересовался супруг королевы.

– Извините, ваша светлость! Сие есть государственная тайна. Я не вправе назвать его имя, но, поверьте мне, это лицо весьма значимо. Вот этот человек и сообщил мне содержание того письма, а также он передал, что Наполеону было отказано в его просьбе. Император Николай не стал встречаться с тогда ещё беглым политиком.

– Император правильно сделал: беглый арестант... Какая встреча?.. Русские щепетильны в подобных делах, не то что некоторые, – не без доли ехидства вставил принц Альберт.

Совсем не по-королевски хихикнув, королева произнесла:

– Кто же знал тогда, что этот «маленький Наполеон» неожиданно станет президентом Франции, а затем и императором? Выходит, сэр Генри, русские просчитались?..

– Именно так, ваше величество. Мы же благодаря вашему дальновидному решению дать приют беглецу выиграли! – лстя королеве, напыщенно произнёс сэр Генри.

Он заметил, как при этих словах зарумянились щеки принца, а в глазах королевы появился довольный блеск.

Королева не спеша села в кресло, затем плавным движением руки в сторону дивана напротив пригласила сесть министра.

– Продолжайте, сэр Генри. Но мы с принцем Альбертом так и не поняли причину вашей поспешности с поздравлением. Так ведь, дорогой? – нежно взглянув на супруга, произнесла она.

Принц Альберт кивнул головой:

– Надеюсь, сэр Генри более убедительно объяснит свой поступок.

Палмерстон скромно сел на краешек дивана.

¹³ Полицейские.

– Вы же, господа, понимаете, что после разгрома Россией Бонапарта и появления русских войск в Париже сие не могло не насторожить все европейские страны. Не надо забывать: границы Российской империи в ходе почти непрерывных военных кампаний постоянно расширяются. В конце прошлого века на западе после раздела Речи Посполитой¹⁴ во владения Российской империи отошли значительные территории. На юге после двух войн с Турцией – Крым и почти весь Северный Кавказ. Усиление России не нравится никому.

– Допустим, и Великобритания не сидела сложа руки, – самодовольно произнёс принц Альберт.

– Согласен, ваша светлость. Однако сравнивать Англию и Россию – смешно. Вот потому-то правительство вашего величества усиленно ищет пути объединения европейских стран против этого монстра – России. Признаюсь, ваше величество, мы не брезгуем ничем. На всякий случай не оставляли Шарля Наполеона без внимания. По моей просьбе лорд Малмсбери¹⁵ ещё пять лет назад посетил бунтаря в тюрьме, чему, кстати, арестант удивился, но был весьма рад. Они тогда нашли общий язык по многим вопросам, в том числе и по России.

Супруги с удивлением переглянулись. Заметив это, министр дал пояснение:

– Потому нас и удивил неожиданный визит нашего подопечного к русскому послу... Причём этот визит он нанес в воскресный день, да ещё поздним вечером, то есть тайно. Меня это насторожило. Однако желаемого, как мы знаем, Наполеон не получил: встреча с русским императором не состоялась, и наш гость, видимо, обиделся на русских, и сильно. Что весьма важно, ваше величество. А тут баррикады на улицах Парижа. Народ лишил трона короля. Наш француз срочно отбыл на родину. И, как вы, ваше величество, метко подметили, «маленький Наполеон» неожиданно стал во главе республики, а вскоре и императором. Русские опомнились, и, несмотря на негативное отношение царя Николая к Наполеону, стали искать пути примирения с ним. Вот почему, ваше величество, я постарался опередить всех и выразить поддержку императору Франции первым. При этом я от имени правительства, единственный из всех участников «Священного союза», назвал Шарля-Луи Наполеона титулом, приличествующим только монархам, что очень обидело императора Николая. Как мы знаем, царь Николай не признаёт переворот во Франции законным, а, следовательно, её президента-императора – себе равным. Однако сей маленький факт ещё более расположил Наполеона к нам, англичанам.

От такой длинной речи, да ещё в жарко натопленном помещении, на лбу сэра Генри выступили капельки пота. Он аккуратно промокнул платочком лоб и замер в ожидании ответной реакции королевской четы.

– Ну, хорошо! – сказал принц. – Это как-то оправдывает ваш поступок. В соперничестве с Россией нам действительно необходимо иметь сильных союзников. Но в то же время, сэр Генри, Великобритании как-то не с руки иметь взаимоотношения с государем, взявшим власть незаконным, бунтарским путём. Это может ударить по авторитету Великобритании среди влиятельных особ Европы. И вот вам результат! Царь Николай уже высказал через посла нам своё неудовольствие по этому поводу. Он просит наказать виновных. Ну и как нам теперь быть?

А что мог ответить сэр Генри? Возникла пауза...

– А это Россия, милорд. И нам придётся с ней считаться. И потом, а как же наша вековая неприязнь к Франции? Так ведь, дорогая? – добавил супруг, обращаясь к королеве.

При упоминании России королева нахмурилась. Морщина, пробороздившая её лоб, сделала еще довольно привлекательное лицо Виктории сразу постаревшим и уставшим. Она несколько тяжело поднялась с кресла и стала медленно прохаживаться по кабинету. Воцарилась тишина, нарушаемая потрескиванием поленьев в камине.

¹⁴ Польша (совр.).

¹⁵ Английский политический деятель XIX века.

Палмерстон тоже встал. Он с сочувствием смотрел на свою королеву, догадываясь о причине резкой смены её настроения.

В 1839 году только-только вступившая на английский престол тогда ещё незамужняя молоденькая Виктория весьма сильно увлеклась гостившим в Лондоне сыном русского императора Николая I, красавцем Александром. Идиллия молодых людей продолжалась около пяти месяцев, и поговаривали... Впрочем, это только слухи! Как вдруг неожиданно наследник русского престола покинул пределы Туманного Альбиона. Королева обиделась на Александра Николаевича, как, впрочем, и на Россию в целом. Оскорблённое девичье сердце... Девушки такое не прощают. Королева стала скрытой русофобкой, но об этом мало кто знал. Впрочем, это тоже только догадки... Политические интересы Англии, видимо, и есть причина русофобии.

«Вот что значит английская сдержанность... А, по сообщению нашего агента, царь Николай даже не догадывается о неприязни к нему несостоявшейся невестки. И прекрасно...» – чуть было вслух не произнёс Палмерстон.

Королева прервала размышления своего министра:

– Супруг мой прав. Нам придётся крепко подумать над просьбой русского царя, сэра Генри, и, конечно, мы примем решение.

Министр с безразличным видом пожал плечами:

– Как вам будет угодно, ваше величество.

Сделав небольшую паузу, королева совсем неожиданно произнесла:

– Так вы сказали, сэр Генри, что вели разговор с Наполеоном о России?

– Да, ваше величество. И, смею вас заверить, Шарль-Луи согласился вести совместные действия против русских.

При этих словах королева скривилась.

– Хм... Ну если вы, сэр Генри, обо всё договорились с Наполеоном ещё до его восхождения на престол, тогда почему он всё-таки захотел встретиться с русским императором? Наполеон же, скорее всего, знал о встрече нашей королевы с Николаем I в мае 1844 года здесь, в Лондоне. Он, полагаю, догадывался и о наших дружеских отношениях. Что хотел Наполеон предложить русским? Как считаете, Палмерстон? – продолжил мысль супруги принц Альберт.

– Да-да, было бы интересно и нам узнать: не ведёт ли Наполеон двойную игру? А может, и того хуже... Не имел ли он желания договориться с царём Николаем о совместных действиях против Великобритании? – поддержала мужа королева.

– В полной осведомлённости Наполеона о результатах вашей встречи с русским царём, ваше величество, я не уверен. Почему он хотел лично встретиться с царём Николаем?... Деньги, ваше величество, деньги! Этому авантюристу было всё равно, кто ему их даст. А по поводу двойной игры... Мы, дипломаты, всегда ведём эти игры, коль того требуют интересы страны, – опять с недовольной интонацией проговорил министр, но тут же спохватился и, взглянув в сторону принца, уже другим тоном произнёс:

– Я, ваша светлость, отвечу на ваш вопрос об авторитете Великобритании. Мощь нашей страны позволяет нам не сильно заботиться о приличиях, коль того требуют обстоятельства. Англия всегда права, даже если и не права. Авторитет нашей страны незыблем, несмотря ни на что!

Сэр Генри позволил себе сделать паузу, давая королевской чете осознать сказанное. И в конце добавил:

– И почём знать, может быть, новый император Франции станет вашим лучшим другом, ваше величество. Что было бы весьма кстати, учитывая наши планы в отношении России, особенно после того, как её войска подавили венгерское восстание.

– Ну, насчёт авторитета Англии мы с вами, сэр Генри, полностью согласны. А вот по поводу дружбы... Этот ужасный император-президент, пусть и племянник самого Наполеона, вряд ли станет нашим другом, – пробурчал принц. – А русских, – добавил он, вставая с кресла, –

надо хоть как-то уважать, лорд Палмерстон. Брат нынешнего императора Николая, покойный Александр I, как-никак, крестный отец моей супруги, королевы Великобритании. Да и Николай I при встрече нам всем весьма пришёлся по душе. Не надо об этом забывать.

Лёгкая тень недовольства опять пробежала по лицу государыни.

– Как я понимаю, правительство моего государства хочет начать военную конфронтацию с Россией?

– Да, ваше величество. И не просто конфронтацию, как вы изволили выразиться, а настоящую войну. Россия – страна огромная и непонятная нам, европейцам. По мнению многих моих коллег из Европы, возникла реальная необходимость борьбы за свободу и независимость европейских стран от этого монстра. Угроза москвитов поработить цивилизованные страны растёт год от года. И святая обязанность англичан перед человечеством – защитить...

– Ах, оставьте, милорд, эти площадные лозунги лорда Дадли Стюарта¹⁶ для выступлений в Палате общин. Лорд Стюарт, как мне известно, уже лет двадцать на всех углах проповедует о русской угрозе, даже когда и причин-то для этого особых не было. Как тут не сформироваться негативному общественному мнению против русского императора? Так что не надо нас агитировать... Лучше говорите по существу, – недовольно перебил министра принц. – Говорите о реальных угрозах со стороны России. Захват Индии, например... И я с вами соглашусь. Как пишут газеты, действительно не мешало бы загнать русских вглубь своих лесов и полей, коих у них тьма-тьмушая. Пусть себе обрабатывают земли и не распространяют свои идеи миролюбия по сторонам.

– Да-да, сэр Генри, – вмешалась королева. – Говорить надо о конфликте интересов между Россией, Великобританией и Францией за господство на Ближнем Востоке вообще и в Чёрном море в частности. А не о миссии английских послов по защите интересов других стран от России. Это всё пустые слова и не более. Прежде всего – интересы Англии. Тогда как-то будет оправданно стремление англичан начать военные действия против России.

Министр в это время задумался, мечтая о победном финале своих планов, не отреагировал на слова своей королевы и, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Мы возьмём Россию в клещи: начнём военные действия по нескольким направлениям, причём почти одновременно. С её-то территорией русские сразу и не поймут масштабность всей кампании. Для начала заблокируем подступы к их столице, Санкт-Петербургу, и северным территориям. Затем высадимся на её дальневосточных окраинах: Камчатка, Аляска, побережье Берингова и Охотского морей плюс острова... Богатейший край, ваше величество. И наконец – юг России: Крымский полуостров, база её флота на Чёрном море – Севастополь. Наша цель не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот на Чёрном море. Большие затраты?... Да!.. Но взятие Севастополя и занятие Крыма, уверяю вас, ваше величество, вознаградят все военные издержки.

– Крым, Севастополь – оправданно, не спорю. Однако позвольте, сэр Генри, спросить: Камчатка, Аляска... Это же так далеко... Справимся ли? – искренне удивился принц.

– Совсем не лишним будет вспомнить, ваша светлость, нашу победу над Китаем¹⁷... Тоже не близко, но справились же!.. И потом, в тех совершенно глухих и малолюдных местах практически нет русских укреплений и населения. Так, небольшие поселения, одно из которых – недавно образованный Петропавловск, – ответил сэр Генри. – А в тех краях, господа, огромные необжитые территории... Почему бы там не развеяться Британскому флагу?

– Хорошо, это как-то будет оправдывать нашу военную кампанию. Но Крым... сэр Генри, – не совсем уверенно произнесла королева. – Мне кажется странным...

¹⁶ Английский политик начала XIX века, призывающий к войне с Россией.

¹⁷ Первая опиумная война в Китае в 1840-1842 годах.

... Некоторые наши генералы считают нецелесообразным начинать эти действия против России. Ведь, как говорят военные, нам до сих пор неизвестны реальные силы русских даже в Крыму, не говоря по всей стране.

– Ваше величество, нам нельзя допустить распада Турции, и это главное. Хочу напомнить слова бывшего члена парламента Томаса Этвуда. Он говорил, что завтра русские получают крепости на Дарданеллах и понадобятся миллионы фунтов стерлингов, чтобы выдворить их оттуда. Разве не так? Его слова, как мы видим, подтверждаются.

Палмерстон сделал паузу, а затем продолжил:

– Правительство Великобритании скрупулёзно оценило создавшуюся ситуацию в России. Царь Николай уверен в крепости своей власти, надёжности армии и флота. Однако, как нам известно, это не совсем так. У России огромные территории, и отсюда – слабая управляемость на местах, неумное казнокрадство на всех уровнях, слабая, по сравнению с нами, промышленность...

– Это не ответ, милорд, – перебила министра королева. – Так уж всё плохо у русских? Верится в это, сэр Генри, с трудом. Всё, что вы перечислили, существует в России много веков, и ничего, она только крепнет. Русский флот вполне боеспособный, армия – одна из самых больших и преданна своему императору...

– Ваше величество, мои и сэра Этвуда слова подтверждаются сообщениями некоторых высокопоставленных лиц из ближайшего окружения императора. Русский истеблишмент весьма неоднороден. Правительство Великобритании считает, что сейчас самое время приступить к военным действиям с этим монстром.

Зная отношение Виктории к русскому императору, принц Альберт подошёл к супруге. Приобняв её, он, не глядя в сторону министра, произнёс:

– Война, дорогая, отвлечёт наш народ от якобинских настроений. Хватит этих революций... Страшно бывает порой. Они прокатились даже по Пруссии. Мне прямо-таки стыдно за добрых немцев. Зачем и они выражали недовольство? Что с ними случилось?

Принц повернулся в сторону министра:

– И кто, дорогая, может гарантировать, что эта зараза не затаилась в Великобритании? Может, и правильно, что наше правительство приняло такое решение.

– Принц Альберт опять прав, сэр Генри. Прав в отношении императора Александра I, моего крёстного, – раздражённо сказала королева, акцентируя внимание на имени своего крёстного. – Супруг мой прав и в отношении наших договорённостей с Николаем I на известной вам встрече... Но, как мы знаем, Россия – огромная страна, дорогой, – взглянув в сторону мужа, с огорчением добавила она. – И здесь уже не до дружеских отношений и родственных связей. Я порой с ужасом смотрю на географическую карту: Россия давит своей огромностью, нависая над Европой, как грозная туча. Кажется, что вот-вот из этой тучи ударит молния и разверзнутся хляби небесные, которые и без того круглый год не жалеют для нас влаги. Наши острова вместе с моим королевством, словно щепку, смоем в Атлантический океан. Страшно, Альберт!.. А пример, приведённый сэром Генри по поводу русских войск в Париже, есть напоминание нам о бдительности. И всё же опасность в военной кампании есть и очень большая. Это – Россия!.. Нам ли об этом забывать?!

Выслушав королеву, Палмерстон тут же с готовностью добавил:

– Да, опасно, ваше величество! Политика русских агрессивна. Она обусловлена, уж извините меня, ваше величество, и дружественным к русскому императору отношением некоторых членов нашего правительства. А вот и подтверждение русской агрессии: дивизии, что стоят в Молдавии и Валахии¹⁸, судя по сообщениям нашей агентуры, неожиданно стали попол-

¹⁸ Историческая область (включая Молдавию), расположенная на юге современной Румынии.

няться резервами и усиленно снабжаться боеприпасами и провиантом. Спрашивается, для каких целей?.. Где гарантия, что русские войска не пойдут дальше?

– Но, милорд! Здесь причина ясна, – произнёс супруг королевы. – По законам, в которых не приходится сомневаться, эти территории условно автономны. А причина неожиданного пополнения дивизий, мне кажется, в другом... У православных и католиков в Турции идут распри по поводу контроля над святынями христианства в Палестине: Храмом Рождества Христова в Вифлееме и Храмом Гроба Господня в Иерусалиме. Точнее, кому султан отдаст ключи от храмов для ремонта. Бедный султан оказался меж двух огней: с одной стороны – католический император Франции Наполеон, с другой – православный русский царь Николай. И оба требуют выгод для себя. А иначе...

Принц Альберт для наглядности погрозил пальцем.

– Думаю, ваша светлость, это только повод. Планы императора Николая более глобальны. Константинополь... Проливы... Усиление своего влияния на Ближнем Востоке... Вот его цели. Но пустить Россию туда – значит спустя несколько лет увидеть её в Индии. И это поставит под угрозу само существование Англии как великой державы. Мы же помним намерения русских в 1800 году вместе с Бонапартом Наполеоном завоевать Индию. Некий генерал Платов уже был в пути... И только внезапная смерть императора Павла I остановила этот поход и разрушила планы союзников.

– Как-то вовремя умер император Павел... Не находите, сэр Генри? – иронично произнесла королева.

Палмерстон усмехнулся и загадочно произнёс:

– На всё воля Господа, ваше величество.

Старый политик явно не собирался развивать тему смерти русского императора, так удачно для Англии погибшего от рук своих придворных.

– Воля Господа?!.. Наверное, вы правы. Но повторюсь... Это весьма опасная затея, сэр Генри, – начинать военные действия, да ещё против такой страны, как Россия... Вам должно быть известно, что войну легче начать, чем потом её остановить! – пылко произнёс принц.

– Конечно, всегда есть риск, – уклончиво ответил министр. – Вот здесь нам и потребуются Франция и Турция, ваша светлость.

– Вы, милорд, уверены в них? – вставила королева.

– Уверен, ваше величество. Вы знаете, как я негативно отношусь к Франции. Я не сторонник налаживать с французами каких-либо дружеских отношений. Но...

Шарль-Луи Наполеон по характеру – отпетый авантюрист. Он рвётся в драку, жаждет реванша за поражение своего дяди в 1812 году. И этим надо воспользоваться. Надо управлять Россией извне, ослаблять её путём войны с ней. И в данном случае французский император нам поможет. Люди типа Шарля-Луи Наполеона легко идут на обман и обиду других людей ради своих амбиций, но весьма обидчивы в отношении себя. Вот и оскорбление, нанесённое ему однажды русским царём, отказавшим в аудиенции, сыграет, думаю, не последнюю роль.

– Но позвольте, сэр Генри! – с искренним возмущением произнёс принц. – Тори – люди старой закалки, в отличие от вигов, они весьма подозрительно относятся к вашей тесной дружбе с Францией. Не забывайте, милорд, в этой стране сильные революционные настроения, и это опасно для Великобритании.

Принц Альберт посмотрел на супругу. Королева, заинтересованная речью мужа, молчала.

– Как можно доверять французам? – продолжил Альберт. – Мне пришлось как-то познакомиться с неким трактатом одного из генералов польского происхождения, состоящего при штабе Наполеона I перед вторжением его в Россию. Этот поляк положил на стол императора интересный документ. Я даже записал его название.

Принц подошёл к столу, полистал лежавшие там бумаги и вытащил то, что искал.

– Вот он. Одно только название чего стоит: «О способах избавления Европы от влияния России, а благодаря этому – и от влияния Англии». Что имел в виду этот генерал под «избавлением влияния от Англии», милорд? Почему вы думаете, что нынешний родственник Наполеона не читал сей трактат и не воспытал желанием вернуть былое величие своей страны за счёт Англии? Сами же говорите – авантюрист. А Великобритания действительно стояла, стоит и будет стоять на пути Франции.

– Фамилия этого поляка Сокольницкий, ваша светлость. И нам неизвестно, читал ли вообще Наполеон I этот трактат, а коль читал, принял ли какое-либо решение?.. И потом, ваша светлость, когда это было?.. Франция теперь далека от того могущества. Нет, не думаю, что Наполеон III способен на самостоятельные действия. Без нас, англичан, он ничего не сделает.

Принц Альберт что-то недовольно пробурчал, но дальше спорить не стал. Королева с интересом и даже с некоторым обожанием посмотрела на супруга. А сэр Генри продолжил:

– Это относится и к Турции. Султан знает, что империя его слаба, и стоит на дрожащих коленях. Без нас он тоже не поднимется. А у него, как и у французов, есть мечта: вернуть Крым и Черкессию¹⁹. По крайней мере, султан этих целей и не скрывает. Нет-нет, ваше величество, эти страны будут нашими верными союзниками, не сомневайтесь. Каждый хочет урвать, уж извините, ваше величество, за это слово, кусок от жирного русского пирога. И повторюсь: никак сие не можно без нас, ваших подданных.

И Палмерстон эффектно склонил голову перед королевой.

– Надо полагать, наше правительство желает участвовать в этом дележе не только из любви к французскому императору и турецкому султану, – ехидно вставил принц Альберт.

– Безусловно, ваша светлость. Каждое государство не прочь расширить свои владения за счёт других, и Англия – не исключение.

– Тогда, сэр Генри, – с иронией произнесла королева, – вынуждена сделать вам замечание. Упустили вы, милорд, возможность выкупить у России поселение Форт-Росс в американской Калифорнии. Обузой была эта территория для России – слишком далеко, а Великобритании не помешала бы. Её купил в 1841 году какой-то проходимец. Это не делает чести нашему правительству, совсем не делает.

– Увы, ваше величество, я согласен с вами. Но я тогда был очень занят вместе с Францией подписанием с Турцией конвенции о проливах Босфор и Дарданеллы. Непросто было лишить Россию права монопольного пользования. Сами понимаете...

Королева понимающе развела руками.

– Вернусь к разговору о союзниках, – продолжил Палмерстон. – Сардинское королевство Пьемонт тоже желает поучаствовать в этой игре. Правда, премьер-министр граф Кавур, этот чрезвычайно любезный на первый взгляд политик, держит пока нейтралитет, но поверьте, ваше величество, он его нарушит, обязательно нарушит, как только у нас появятся успехи в военных действиях.

Палмерстон сделал паузу, а затем добавил:

– Но этот Кавур – хитрый политик. Не сомневаюсь, за участие в войне с Россией он будет требовать слишком много, однако, я думаю, мы договоримся. А что поделаться?.. Коалиция европейских стран нам крайне необходима. Ну... хотя бы её видимость. Вот Австрия пока колеблется, но точно не будет против. Швеция, Дания, Пруссия и ряд других стран тоже держат нейтралитет, но вы же, ваше величество, сами понимаете: всё зависит от успеха нашей кампании...

– Ну, время покажет, будут ли успехи. Вот с Францией и Австрией всё понятно, а от Пьемонта серьёзной помощи ждать не приходится, но Османская империя слаба как никогда, – воскликнул принц Альберт.

¹⁹ Кавказ.

Палмерстон загадочно улыбнулся и тоном преподавателя, уставшего объяснять нерадивому ученику тему урока, ответил:

– Слабая, конечно, она слабая, да сил у неё хватит начать войну против России. Под турецкие знамёна встают бывшие польские и венгерские мятежники плюс османский флот. Великобритания поможет Турции на первом этапе, ваша светлость, и деньгами, и советниками.

– Но чтобы помогать Турции, а тем более конфликтовать с Россией, нужны хоть какие-то основания или повод, в конце концов, сэр Генри, – требовательно произнесла королева.

– Они будут, ваше величество. Наш посол в Турции, Чарльз Стратфорд-Каннинг, совсем недавно вернулся из Константинополя. И он вернулся, можно сказать, с победой. Посол стал доверенным лицом и даже другом султана Абдул-Меджида I и его кабинета. Сэр Стратфорд оказывал огромное влияние на проводимую султаном внешнюю политику. Турки прозвали нашего посла «Великий Элчи», что означает «Великий посол». Его служба в Османской империи заслуживает самой лестной оценки, ваше величество. Он десять лет отработал в Турции и, конечно, устал. Теперь находится в Лондоне, отдыхает и надеется на заслуженный пост в составе правительства. Он этого заслужил, ваше величество.

– Непременно, сэр Генри, – подал голос принц. – Можете поздравить Чарльза Стратфорд-Каннинга. Королева совсем недавно удостоила его титулом лорда Рэдклифа. Можете первым сообщить сэру Чарльзу эту новость.

Министр поблагодарил королеву, почтительно склонив голову.

– Благодарю, ваше величество! Сообщу обязательно о вашей милости и тем самым сглажу неприятную для сэра Стратфорда новость: увы... новоиспечённый лорд Редклиф должен вернуться в Турцию. Там, в Константинополе, он приложит все свои силы и опыт на обострение ситуации между Турцией и Россией. Помимо всего, я дал строгие указания нашему послу в Санкт-Петербурге, Джорджу Гамильтону Сеймуру, встретиться с императором Николаем и окончательно выяснить намерения последнего в отношении Турции. Уверен, повод для военной конфронтации обязательно найдётся.

И потом, все знают, что русские войска в 1848 году подавили восстание венгров, захотевших выйти из состава Австро-Венгрии, оказали военную помощь Пруссии, усмирив революционеров... В глазах Европы Россия – агрессор.

– Позвольте, сэр Генри, – с удивлением произнесла королева, – вы же не будете отрицать, что русские это сделали в полном согласии с договоренностью 1833 года и по личной просьбе молодого императора Франца Иосифа и престарелого короля Фридриха-Вильгельма, то есть законно...

– Да, – поспешно ответил Палмерстон, – не спорю... Ну и что? Кто об этом знает?.. В Европе после мадьярских восстаний о России сформировалось негативное мнение: царь Николай – «жандарм Европы, душитель свободы», как и все русские. И это факт, ваше величество. А то, видите ли, сегодня мадьяры хотят выйти из Австрии, завтра – ещё кто-либо...

– Весьма сложная дипломатическая игра, не так ли, дорогая? – обращаясь к супруге, произнёс принц Альберт. – Смотрите, не переусердствуйте, сэр Генри. Не будем забывать, что и у нас колоний предостаточно. Как бы и они не захотели самостоятельности.

– Индия, Канада, Новая Зеландия, Африка... Ваша светлость, наши колонии слишком далеки от Европы. Надеюсь, им это не грозит.

– Надеюсь!.. – пробурчал принц. – Тогда я с вами согласен, сэр Генри, Чарльз Стратфорд должен вернуться в Константинополь.

Королева покачала головой и произнесла:

– А я всё-таки не понимаю, сэр Генри, к чему такая спешка с отъездом лорда Рэдклифа?

– Обстоятельства вынуждают, ваше величество. Планы, которые правительство наметило в отношении России, требуют скорейшего присутствия сэра Стратфорда в Константинополе.

Сами понимаете, ваше величество, назначать нового посла в Турцию в это время нецелесообразно.

Часы в кабинете отбили очередной час. Время аудиенции подходило к концу. Королева машинально посмотрела на часы и опять задала вопрос министру:

– Так всё-таки, сэр Генри, правительство серьёзно намерено начать военные действия?

– Да, ваше величество, – сказал министр жёстко и многозначительно добавил: – С Россией!

И слово «Россия» прозвучало словно выстрел. Королева и её супруг с тревогой посмотрели на министра. Возникла странная пауза. Все замолчали.

Супруги думали о последствиях опасных для государства событий, а Палмерстон ждал реакции на свои слова.

Первой нарушила паузу королева. Она недоверчиво, с нотками настороженности в голосе и очень тихо произнесла:

– Война?!.. С Россией?!.. Вы не забыли, Бонапарт тоже воевал с Россией... Результат всем известен. Не так ли, сэр Генри?

– Великая Британия – это не Франция, ваше величество. К тому же мы теперь, возможно, будем вместе.

– И потом, сэр Генри, – перебила министра королева, – в случае успеха, надеюсь, моё правительство не собирается из России делать вторую Индию?

– Хотелось бы... – совсем тихо сказал министр и более громко произнёс: – Время покажет, ваше величество.

– Скажите, милорд, только честно, – неожиданно в разговор вступил принц, – а турки знают, что Крым при любом раскладе им не достанется?

Палмерстон пожал плечами.

– Видите ли, ваша светлость, султан – умный государь! Вопрос, кому Крым достанется, он не задаёт, а мы, естественно, его не поднимаем.

– Узнаю сэра Генри, – взглянув на супругу, насмешливо произнёс принц Альберт, покачивая головой.

Королева не стала продолжать дальше разговор по поводу Турции, лишь пожала плечами.

Видя некоторую неуверенность венценосной четы, сэр Генри постарался уйти от вопросов, связанных с дальнейшей принадлежностью Крыма.

– Кто, как не Европа, должен остановить Россию? Да, Турция ввяжется в войну, а чуть погодя вместе с французами мы поддержим османов и тоже объявим войну русским, повод будет – защита Турции. Наш флот уже готовится к военным действиям. Скажу больше: одна из эскадр уже покинула Англию и теперь держит курс на Перу, в порт Калао²⁰, где к ней примкнут корабли французов. После объявления нами войны России они сообщатся направятся в сторону русской Камчатки.

– Всё же опасная экспедиция, – произнесла королева.

– Она того стоит, ваше величество! Несколько лет назад в тех краях были два наших судна. Капитаны были в восхищении от природы тех краёв, удобных бухт для стоянки и зимовки кораблей. Нам стоит даже умышленно сделать двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть Камчаткой и потом заключить мир.

Королева слегка удивилась фантазии своего опытного в политике министра, но промолчала. Зато не промолчал принц:

– Милорд! А вы уверены, что английский флаг будет водружён в тех местах? А как же французы?

²⁰ Кальяо (совр.).

– Командующему нашей эскадрой даны соответствующие указания, ваша светлость. На берег первыми должны ступить англичане.

Королева пожала плечами, воскликнув:

– А как же французы?

Палмерстон не ответил. Он только развёл в стороны руки.

– Ну, коль так!.. – как можно безразличней произнесла королева. – Как считаешь, Альберт?

– Да-да! Дело нужное, милорд! К тому же Япония недалеко. Надеюсь, сэр Генри, вы знаете, что президент США Филлмор послал к Японии, коль память не изменяет, коммодора Перри²¹ с эскадрой и войсками. Американцы хотят заключить с японцами договор о дружбе и торговле, – вставил принц.

Палмерстон почтительно кивнул:

– Да, ваша светлость, конечно знаю.

– А американцы своего не упустят, – с некоторым раздражением добавила королева. – Кстати, в Северной Америке вместе с русскими поселенцами работает английская торговая компания «Хадсон Бей компани»...

Сэр Генри тут же учтиво пояснил королеве:

– Нет-нет, ваше величество, флагману эскадры даны соответствующие указания не совершать враждебных действий против русских поселений в тех районах.

– Не даёте вы мне, сэр Генри, похвастать своими знаниями, – кокетливо заметила королева. – Как-никак, «Хадсон Бей компани» – одна из первых торговых компаний в мире. Почитай, около ста восьмидесяти лет ей уже... Беречь надо такие, – и уже строгим голосом добавила: – Продолжайте, милорд.

– Простите, ваше величество! Так вот, другая часть нашего объединённого флота войдёт в Балтийское и Белое моря, тем самым нарушит коммерческую навигацию русских купеческих судов, а позже заблокирует российский флот в портах, в том числе в Кронштадте и Санкт-Петербурге.

– И что? – спросил принц Альберт.

– Смотря как сложатся обстоятельства, ваша светлость. Я совсем не исключаю возможности для захвата некоторых русских крепостей. А там и... русская столица. Всё в этом мире возможно, ваша светлость.

Остальной флот будет постепенно накапливаться в Мраморном море, поближе к России. Необходимо опередить русских на случай военных действий. Как только Турция ввяжется в войну, а она ввяжется, смею, ваше величество, вас заверить, мы вместе с Францией тут же объявим о разрыве дипломатических отношений с русскими и приступим к реальным военным действиям.

– Вы полагаете, милорд, что российское правительство не догадывается о наших с французами совместных приготовлениях? – недоверчиво поинтересовался супруг королевы.

– Не думаю, ваша светлость, что им это приходит в голову. Наш посол во Франции, барон Коули, совсем недавно приехал в отпуск в Лондон. Я попросил его об одной услуге – обязательно встретиться с русским послом. Повод для встречи, как понимаете, существенный – поделиться новостями, что не вызовет никаких сомнений в натуральности. Так вот, при встрече с послом Брунновым в кофейне Ллойда, что на Ломбард-стрит, куда любит заходить русский посол, сэр Коули, так сказать, «разоткровенничался». В беседе он заверил русского посла: мол, правление Наполеона III считается непрочным, шатким, император Франции и не помышляет о военных конфликтах с кем-либо. Он со своим окружением якобы спекулирует на

²¹ Мэтью Кэлбрейт Перри (1794-1858) – военный и политический деятель США.

бирже и интересуется только личной выгодой, а внутри французского истеблишмента сильны антианглийские настроения.

– И что, русские поверили этой лжи? – спросил принц.

– Не сомневайтесь, ваша светлость. Поверили... Как я уже говорил, наш человек в окружении императора Николая сообщил, что информация Бруннова о разговоре с французским послом весьма и весьма порадовала императора. Он ещё более уверился в своих надеждах на наше с ним сотрудничество. И свои намерения в отношении Турции не изменил, скорее, наоборот, усилил.

Королева огорчённо покачала головой, но промолчала.

Повернувшись к королеве, старый дипломат склонил в почтительной позе голову и твёрдо произнёс:

– Так что, ваше величество, я скажу больше: назад дороги нет. Колесо событий покатилося вниз...

– Война с русскими?!.. За спиной императора Николая?!.. И всё-таки это как-то дурно пахнет! – несколько пафосно воскликнул принц Альберт.

Палмерстон вопросительно посмотрел на королеву. Она с некоторым удивлением посмотрела на мужа, но опять промолчала. В интонации супруга королева уловила нотки фальши. В его голосе уже не было той первоначальной искренности, присущей принцу в начале аудиенции. После некоторой паузы королева Великобритании тихо, но твёрдо и настойчиво произнесла:

– Англия превыше всего, Альберт, – и, вздохнув, с тревогой в голосе добавила: – Ты опять прав, Альберт. Начать войну действительно просто, но иногда и гений не сможет её закончить. Финалы битв всегда опаснее их начала – они непредсказуемы. Надеюсь, сэра Генри, моё правительство знает, что делает. Но учтите, повторюсь, это Россия... Огромная и непредсказуемая!

Сжав плотно губы, королева покачала головой.

Двери кабинета открылись: аудиенция закончилась. Сэр Генри поклонился и направился к выходу. Уже у самого выхода он услышал голос принца Альберта:

– Сэр Генри, а какой вам видится Россия, если всё пойдёт по вашему плану?

Палмерстон остановился, медленно развернулся и, несколько растягивая слова, произнёс:

– Хочется видеть её, Россию, в границах Московии, ваша светлость, – и, вежливо поклонившись, вышел из кабинета.

Уже выйдя на улицу, он недовольно прошептал:

– В границах Московского царства... Мечты, мечты!

С этими мыслями он раскрыл над собой зонт. Дождь всё-таки начался.

Под впечатлением разговора с министром супружеская чета молчала. В кабинете установилась тишина, прерываемая треском дров в камине. Королеве казалось, что треск, доносившийся из камина, был похож на ружейные выстрелы, которые вот-вот загремят на полях сражений.

Королева зябко поёжилась. Она задумчиво, очень медленно стала прохаживаться по кабинету. Принц Альберт подошёл к камину, кочергой постучал по головёшкам, выбивая искры, затем с немецкой аккуратностью ровненько положил на горящие угли три полена. Так они и молчали.

Из камина раздался очередной треск, запылали вновь подброшенные дрова. И снова перед глазами королевы возникли страшные картины гибели людей, и она произнесла:

– Дабы не раздражать раньше времени императора Николая, надо отправить в отставку сэра Генри. Как ты думаешь, Альберт?

Супруг пожал плечами и покорно произнёс:

– У нас нет другого выхода, дорогая, коль того требуют обстоятельства. Ты, Виктория, сама сказала: «Англия превыше всего». Виконт Палмерстон, думаю, не обидится и поймёт.

– Плохо ты знаешь нашего виконта. Не зря в парламенте ему дали кличку «Поджигатель», а такие не обижаются, поверь мне.

– Как это ни прискорбно, дорогая, но то, что мы делаем, – подножка России. Чисто английский гамбит²², и пешкой в нем назначается Турция...

– На все воля божья, Альберт, – произнесла королева. И, помолчав, опять произнесла: – Англия превыше всего. Насколько я разбираюсь в шахматах, в игре важен эндшпиль²³, дорогой.

Принц Альберт огорчённо покачал головой:

– Конечно, ты права, дорогая! Но одно меня весьма тревожит: чем масштабнее и грандиознее планы, тем серьёзнее трудности и, следовательно, риски. Не так ли? Проект лорда Палмерстона – бомба с неизвестной начинкой. Совсем непонятно, каков будет эффект от её взрыва, и вообще взорвётся ли? Ты правильно подметила: Россия огромная и непредсказуемая. Я не удивлюсь, что она может и не почувствовать этот вселенский, на наш взгляд, взрыв. Зато его почувствовать, и весьма сильно, можем мы, твои подданные! Это в шахматах гамбит предполагает ради успеха жертву некоей фигуры и небольшой риск проиграть партию. Война – не шахматы! Но риск – дело нужное. Хочешь выиграть – рискуй. Однако есть одно условие... Играть-то ты должен по принятым в игре правилам, то есть честно. Чего не могу сказать о правительстве Великобритании, дорогая.

– Ты все усложняешь, Альберт. Не забывай: без сражения при Буксаре²⁴ на берегу Ганга вряд ли бы мы смогли так свободно чувствовать себя сегодня в Индии. А ведь и тогда, почти сто лет назад, были сомнения в необходимости военного решения проблемы. Но время показало, что наша решимость оправдалась, всё сложилось удачно... Так что, дорогой, не будем драматизировать события. И потом мы не одни, с нами Европа.

Британцы решили, что в это непростое для Европы время все демократические (в понимании европейцев) силы Европы объединятся в борьбе с Российской империей.

Им уже грезилось отторжение от России Бессарабии, Кавказа, которые должна была получить Турция. Швеции отходило герцогство Финляндское. Земли русской Польши, Литвы, Эстонии, Курляндии, Лифляндии были предложены Пруссии. Себе англо-французы оставляли Крым, Камчатку и соседствующие с ней территории.

Разумеется, для этого немцам и шведам надо было всего лишь вступить в войну вместе с Англией и Францией.

Однако эти страны слишком хорошо помнили свой военный опыт, полученный в конфликтах с Россией, а потому втянуть их в войну Лондону и Парижу так и не удалось.

Но из-за осторожного отношения Берлина и Австрии к России, больше похожего на враждебность, русским пришлось выделить на защиту своих западных границ значительные силы, что не позволило усилить группировку войск на других направлениях.

Всё это отрицательно скажется немного позже, а пока вернёмся к нашим событиям и героям...

²² Гамбит (итал.) – подножка. В шахматах – одна из сторон в интересах быстреего развития, захвата центра или просто для обострения игры жертвует пешку или лёгкую фигуру.

²³ Конец игры.

²⁴ Сражение, произошедшее в 1764 году между семитысячным отрядом Британской Ост-Индской компании и объединёнными силами падишаха Монгольской империи, Бенгалии и Ауда.

Великосветский бал

Январский день 1853 года подходил к концу. Столицу накрыли сумерки. По тёмному небосклону проплыл всё увеличивающийся в размерах яркий круглый диск Луны. Дувший со стороны Невы ветер к вечеру почти затих. И было странно до удивления: сверху ничего не сыпалось – ни мелкие снежинки, ни противные капли мокрой измороси, и даже привычный туман, пытавшийся накрыть столицу ещё в обед, и тот к вечеру растворился. Однако на улицах, а тем более на площадях и особенно перед Михайловским дворцом, нет-нет, да и срывались порывы ветра, было ветрено и холодно.

Дворец, выстроенный в 1825 году архитектором Карлом Росси, принадлежал великому князю Михаилу Павловичу, сыну императора Павла I. Названный в честь архангела Михаила, дворец вот уже почти три десятка лет стоял в центре Петербурга, поражая всех своей монументальностью и архитектурным совершенством.

При жизни великого князя сей шедевр творчества великого архитектора редко пустовал: балы, празднества, фейерверки... Но четыре года назад Михаил Павлович неожиданно покинул этот бренный мир, и дворец в числе прочего отошёл его супруге, великой княгине Елене Павловне²⁵.

Конечно, балы продолжались. Пусть реже и менее пышно, без фейерверков и прочих великосветских забав, но благодаря усилиям великой княгини они стали больше напоминать деловые рауты высокопоставленной знати. Именно это и пришлось по вкусу столичной элите и иностранным дипломатам: всегда можно за бокалом шампанского встретиться с нужными людьми, минуя официоз императорского двора. Деловой тон подобных встреч, тем не менее, не мешал молодёжи по-прежнему танцевать, знакомиться и веселиться. Очень часто эти встречи посещал император с супругой, и получить приглашение на эти мероприятия было, конечно, не только трудно, но и весьма почётно и престижно. Вот и сегодня здесь ждали государя.

Великосветские балы... Бал – совершенно особенное событие в жизни любого дворянина. Здесь он был человеком своего сословия, как говорится, «равный среди равных». Хотя нет, чего грех на душу брать, и на балах кто-то всё равно был главнее остальных. Кого-то громко, с дрожью в голосе представляли при появлении в зале, кого-то объявляли скромнее и без должного почтения, а кто-то сам бочком незаметно протискивался в залу. Зато все приглашённые, и это чистая правда, могли блеснуть остроумием, манерами, познакомиться с нужными людьми, да и просто найти себе партнёра из своего круга для создания семейного очага.

Вот и в этот вечер Елена Павловна в своём Михайловском дворце давала бал, на который прибыли гости даже из Москвы, благо чуть более года назад открылось регулярное железнодорожное сообщение между Санкт-Петербургом и Москвой. Сам канцлер Нессельроде прислал хозяйке дворца гонца с известием, что император посетит бал обязательно.

К исходу дня на площади вдоль здания выстроились расфранчённые кареты, запряжённые четвёрками, а то и шестёрками холёных лошадей. Вторым рядом к ним пристроились кареты куда скромнее; обычные же городские экипажи, высадив не столь богатых пассажиров под строгим взглядом дворцовой охраны, тут же покидали площадь. Один из таких экипажей (довольно элегантная бричка с закрытым кожаным верхом и двумя круглыми окошечками по бокам) как раз подкатил со стороны Михайловской улицы к парадному входу дворца.

Из него выскочил молодой рослый морской офицер в чине лейтенанта. Офицер, видимо, расплатился с кучером по-царски, за что тот не поленился соскочить с козел и, почтительно склонив голову, помог благодетелю спрыгнуть с брички.

²⁵ До принятия православия – принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская.

Стряхнув с рукавов шинели и пелерины невидимые пылинки, поправив пристежной меховой воротник, он привычным движением пригладил коротко стриженные усы, затем перекрестился и, вздохнув, с гордым видом направился к зданию.

Ярко освещённые изнутри окна Михайловского дворца в вечернем полумраке улицы придавали зданию что-то загадочное и необычное. Кажется, стоит только взять волшебный ключик, вставить его в замочную скважину парадной двери – и ты внутри сказки. И такой ключик у молодого офицера был: благодаря протекции канцлера Нессельроде его фамилия впервые появилась в списке приглашённых гостей. Чем не ключик...

Сдав верхнюю одежду, лейтенант вошёл в зал. В сияющем белизной кителе, как, впрочем, и другие офицеры, он скромно примостился возле одной из колонн. С этого места прекрасно обозревалось всё пространство зала, и в этом пространстве, как уже успел заметить лейтенант Антон Аниканов (а это был именно он, бывший мичман Антоша), находился весь цвет столичной и московской знати.

Просьба его дядюшки, Филиппа Ивановича, возымела действие: молодой офицер пришёл по душе Нессельроде, и, как когда-то и самого Бруннова, Карл Васильевич приблизил его племянника к себе. Отслужив три года на флоте и получив звание лейтенанта, Аниканов, конечно, не без помощи родственника, теперь находился при департаменте иностранных дел. По долгу службы, а часто и по личному поручению канцлера, Антон нередко посещал разные дипломатические миссии, аккредитованные в столице. Многих послов и комерцсоветников он знал в лицо.

Окружённый с трёх сторон белыми колоннами, главный зал был достаточно большим, народу – тьма. И, как отметил Антон, женщин в зале было заметно больше. Пожилые дамы чинно восседали в креслах, на стульях и диванах, рядом с ними по одну сторону сидели мужья, по другую – молоденькие барышни, их дочери. Девушки, не стесняясь своих родителей, стреляли глазками в сторону франтоватых молодых людей.

В воздухе стоял аромат дорогих французских духов, он возбуждал, хотелось встать на колено и кому-то из присутствующих барышень тут же признаться в любви. Глаза молодых повес бешено шарили по залу в поисках предмета воздыхания.

Однако мужчины быстро привыкали к этому волнительному запаху, возбуждение, словно морские волны во время шторма, постепенно затухало, флёр женщин, хотя ещё и царствовал, но уже не требовал совсем недавнего обожания. Нет, конечно, женщины ещё хотели пылко к себе обожания и смиренного коленапреклонения, но делали это, скорее, машинально, по привычке. Выслушивая от кавалеров поток избитых фраз о всепоглощающей любви, они уже не воспринимали слова оболстителей всерьёз, хотя и продолжали тайно вздыхать и обмахивать веерами свои раскрасневшиеся личики... И мужчины, чувствуя это, вели себя более раскованно.

А ещё наблюдательный Антон заметил, что гости старались группироваться по возрасту и интересам: совсем пожилые – в одном углу, мужчины среднего возраста – в другом, а молодёжь кругами фланировала вдоль стен, но перед началом очередного танца сбивалась в центре зала.

Среди этой разношёрстной публики густо были намешаны представители иностранного дипломатического корпуса.

Желтоватый свет свечей в хрустальных люстрах и карселевых лампах²⁶, стены, отделанные под палевый и лазоревый мрамор, широкие зеркала в позолоте, в которых отражались расставленная вдоль стен дорогая мебель и масса тропических растений, украшавших широкую парадную лестницу дворца, как отметил Антон, не производили особого впечатления на избранное общество. Расхаживая парами или в одиночку по натёртому до блеска паркету, вель-

²⁶ Лампы с часовым механизмом для подсоса масла, изобретенные мастером Карселем в 1800 г.

можи и сопровождающие их дамы лишь изредка бросали короткие взгляды на картины известных мастеров, развешанные вдоль стен.

Особый интерес лейтенанта вызвали небольшие группки людей, среди которых были весьма известные в обществе люди. Мужчины вполголоса обсуждали новости, женщины молчали или скептически разглядывали наряды подруг. В зале стоял приглушённый гул.

Размеренный шум в зале дворца нарушил скрипучий голос капельмейстера. С оркестрового балкона второго этажа он объявил:

– Господа! Вашему вниманию предлагаются оркестровые отрывки из новой оперы композитора Антона Рубинштейна. Опера называется «Дмитрий Донской». За роялем, господа, – сам автор.

Дирижёр взмахнул своей палочкой в сторону рояля, открытая крышка которого блестела своей полированной поверхностью, отражая яркий свет люстр, спускающихся в зал с потолка.

Поверх балюстрады второго этажа с широкими перилами и затейливыми фигурными балясинами белого цвета возникла шуплая фигура молодого человека, лицо его выражало явное смущение. Белая манишка под фраком топорщилась, закрывая неременный аксессуар наряда – стоячий воротничок. Зато на тёмном фоне его фрака выделялся огромный белый носовой платок, выглядывающий из нагрудного кармана. Платок с лихвой компенсировал отсутствие на груди у молодого человека награды. Композитор несколько раз покивал головой и поспешно сел.

Из зала раздались два-три негромких хлопка. Дирижёр взмахнул палочкой. Зазвучали первые аккорды рояля, через несколько тактов звуки подала первая скрипка, затем – вторая... Вскоре зазвучали все инструменты небольшого оркестра. Шум в зале несколько утих. Неожиданно и вовсе стало тихо. Замолчал и оркестр.

Государь Николай I²⁷ появился неожиданно.

В это время Елена Павловна разговаривала со своей дочерью Екатериной и момент прихода императора пропустила. Завидев идущего по залу государя с супругой, Елена Павловна опешила. Краем глаза она взглянула на распорядителя бала, высокого с благородной осанкой старика, служившего её мужу ещё при его отце, императоре Павле I. Старик стоял теперь с испуганным лицом и виновато разводил в стороны руки в белых перчатках. Ясно было, что он отошёл по своим надобностям в неудачное время.

– Совсем старый стал, – с досадой прошептала Елена Павловна и, увлекая за собой дочь и её мужа, герцога Георга²⁸, своей обычной стремительной походкой поспешила навстречу императорской чете.

Дамы в шёлковых и бархатных платьях с длинными шлейфами, осыпанных жемчугом и бриллиантами, мужчины при орденах, звёздах, крестах и эполетах – все почтительно замерли при виде государя, шедшего под руку с государыней²⁹.

Весьма энергичная и привлекательная в молодости, в свои пятьдесят четыре года Александра Фёдоровна имела болезненный вид, отчего казалась всегда уставшей. Ещё больше подчёркивали её нездоровый вид чрезмерная худоба и всё реже появляющаяся на лице улыбка.

А болезнь у императрицы обострилась с 14 декабря 1825 года, за сутки до принятия войсками присяги на верность её мужу, новому императору Николаю I Павловичу. Именно в этот день началось восстание заговорщиков, так называемых «декабристов», которые по приказу еще не успевшего полностью вступить на престол Николая Павловича были расстреляны картечью. В этот зимний морозный день погибли сотни людей.

²⁷ Николай I Павлович – российский император с 13 декабря 1825 года.

²⁸ Георг Август Эрнест Мекленбург-Стрелицкий (1823-1876) – кузен императрицы [Александры Фёдоровны](#).

²⁹ Урождённая принцесса Фридерика Луиза Шарлотта Вильгельмина Прусская, супруга российского императора [Николая](#)

То ли из-за многочисленных родов, то ли по причине нездорового питерского климата нервная система ещё молодой императрицы не выдержала, Александра Фёдоровна получила сильнейший удар, от которого и по сегодняшний день не оправилась.

Все знали о привязанности государя к своей супруге. Он демонстративно, не стесняясь придворных слухов, порой весьма жёстко, оберегал императрицу от разного рода волнений.

Болезненность императрицы воспринимались обществом совершенно по-разному. Приближённые сочувствовали, завистники тайно злорадствовали.

Рассеянно оглядывая зал, слегка кивая на подобострастные поклоны, государыня при виде Елены Павловны улыбнулась.

С императорской четой хозяйка дворца встретила недалеко от колонны, возле которой примостился наш лейтенант.

Великая княгиня тут же извинилась за неподобающую встречу, сославшись на немощность старика-распорядителя.

Император посмотрел в сторону горемыки-распорядителя, продолжавшего стоять с испуганным видом. И не было уже в облике несчастного старика былой осанки, перед ними стоял поникший и жалкий человек. По его испещрённому морщинами лицу текли слёзы.

Государь милостиво улыбнулся и добродушно проговорил:

– Полноте, княгиня. Знаю я этого старика. Бывает... Возраст...

– Вы очень добры, ваше величество, – поблагодарила Елена Павловна.

Император Николай Павлович был восьмым из десяти царских детей. После смерти бездетного брата Александра I двадцатидевятилетний красавец Николай, заручившись письменным согласием старшего брата Константина о добровольном отречении от короны, 12 декабря 1825 года вступил на русский престол. Принял корону Николай в тяжёлое для России время.

В день обнародования манифеста о восшествии на царствование на Сенатской площади Петербурга произошло восстание декабристов. Император был вынужден силой подавить это выступление. И тогда для укрепления власти он создал специальное III Отделение императорской канцелярии и корпус жандармов. А потом молодой государь провёл ряд преобразований, в числе которых были указ о пенсиях за государственную службу, указ о запрещении продажи крепостных отдельно от семей; он изменил финансовую систему, учредил Военную и Морскую академии. В довершение ко всему Николай открыл университет в Киеве, затем построил первую железную дорогу.

Вот и сегодня пятидесятишестилетний государь, как всегда, был статен и так же величествен, как и в молодые годы. Правда, волосы значительно поредели, виски тронула седина, уголки губ иногда нервно подёргивались. И всё же движения его были так же энергичны и быстры, как и раньше. Но, присмотревшись более пристально, княгиня с грустью констатировала: в движениях родственника чувствовалась некая возрастная усталость.

«Господи, что же с нами делает старость?» – мелькнула мысль. Но чтобы совсем уж не расстраиваться по поводу возраста императора, для себя заключила: «Зато поступь его в полном смысле осталась прежней – царской».

Поговорить с государем княгине не пришлось. К императору тут же подошёл государственный канцлер, граф Нессельроде.

Маленький, не по годам энергичный, большой любитель женщин, граф имел обыкновение, свойственное многим дипломатам, говорить на подобных встречах о чём угодно, но только не о политике. На этот раз канцлер, однако, изменил своей привычке – лицо его было явно озабоченным.

Взяв под руку государыню, Елена Павловна вместе с ней и молодой четой направилась через весь зал к группе гостей, в основном состоящей из представительниц разных государств.

Посреди этой европейской публики возвышалась фигура прусского посланника генерала Рохова, человека не шибко умного, но добродушного и безвредного. Его присутствие на балах

такого уровня считалось обязательным; император к нему относился хорошо, а его фельд-фебельские анекдоты, громкий хрипловатый смех и грубые заигрывания с дамами являлись одним из развлечений для чопорных и скучных великосветских старушек. Генерал и сейчас о чём-то говорил с американским послом Нейлом Брауном. Все знали, что американец не любит посещать подобные мероприятия, а тут на тебе, явился. Судя по смущённому виду старушек-княгинь, острил Рохов именно по этому поводу, не сильно заботясь о соблюдении правил приличия. Дамы смущались, но слушали с нескрываемым интересом, пряча довольные ухмылки на лице за веерами.

Почтительно поприветствовав императора, канцлер с заговорщицким видом произнёс:

– Ваше величество, настоятельно просит о встрече с вами британский посол Джордж Гамильтон Сеймур, – и, поправив сползшие с переносицы золотые очки, сквозь стёкла которых светились умные и весьма хитрые глаза, канцлер добавил: – Очень просит, ваше величество!

В это время зазвучал рояль. Император замер, прислушиваясь к доносившимся сверху аккордам.

– Не дурно, совсем не дурно! – произнёс он.

– Рубинштейн, ваше величество, – поспешил пояснить канцлер. – Его новая пьеса «Дмитрий Донской».

– Вот как! Ну-ну. Совсем не дурно, – повторил Николай I. – Так вы, граф, говорите, англичанин хочет поговорить со мной? Не наговорился, бедный! Поди, опять пытаться по Турции станет. Как считаете, граф? По Турции найдем мы общий язык с Англией?

– Сложно сказать, ваше величество. Захочет ли Великобритания усиления России?

– Учитывая непримиримость в отношениях между Францией и Великобританией, королева должна понимать, что я могу и с Францией договориться. И тогда... – император насмешливо посмотрел на канцлера. – Тогда англичане останутся ни с чем, Карл Васильевич. Так ведь?

Канцлер неопределённо пожал плечами.

– Сложно сказать, ваше величество. Но скорее да, чем нет.

– Ладно, там будет видно. Что ж, встречусь с Сеймуром, граф, встречусь обязательно. Скажите княгине Елене Павловне, пусть кабинет свой подготовит.

Напряжение в зале, возникшее с появлением царственной четы, несколько спало, публика стала более говорливой и шумной. Государь расправил плечи и с удовольствием окинул зал. Ему импонировала царящая на балу сравнительно простая, благодушная атмосфера общения без протокольных речей, дипломатических условностей, а легкий аромат вина, парящий в воздухе, придавал настроению некую беззаботность и даже...

Николай I пристально посмотрел на группу молоденьких барышень. Рукой расправил усы и с некоторым сожалением перевёл взгляд на супругу, стоящую в компании знатных дам. Лёгкий вздох... Губы императора тронула едва заметная усмешка...

– Были и мы молодыми когда-то. А, Карл Васильевич? Но вы и в семьдесят, как я слышал, не унимаетесь...

Канцлер, снова поправив очки, тоже бросил взгляд на барышень, на которых обратил внимание государь, и хитро улыбнулся.

– Да, ваше императорское величество. Куда денешься, бес-то в ребро тычет, покоя по ночам не даёт. Грешен, государь, грешен. А супруга моя покойная во сне ко мне иногда приходит, но не бранится по сему поводу, а только, как и вы, ваше величество, усмехается.

Император рассмеялся.

– Ох и хитёр ты, Карл Васильевич!

Елена Павловна, разговаривая с дамами, не упускала из виду императора. Как только она поняла, что государь закончил разговор с канцлером, тут же дала знак, чтобы ему принесли бокалы с шампанским. Император взял два бокала и один протянул канцлеру.

– Ну, за женщин, граф, – произнёс он.

– За них, ваше величество, – согласился старый ловелас. – Дай им всем Бог здоровья! Они отпили по небольшому глотку. Император поставил бокал на поднос и двинулся вдоль зала в сторону парадной лестницы. За ним поспешил канцлер.

Со словами «Дела, дела, глаз да глаз нужен кругом» Елена Павловна покинула императрицу.

Проходя мимо старика-распорядителя, княгиня совсем не строго тихо проговорила:

– Иди умойся, Иван Лексеевич. Неча стоять истуканом. Да смотри, возвращайся, вечер только начался.

Старик с благодарностью посмотрел на хозяйку, облегчённо вздохнул и быстро-быстро засеменял из зала.

Антон впервые так близко видел императора и теперь, стоя у колонны, неотрывно следил за каждым шагом государя.

Недалеко от молодого офицера, с другой стороны колонны, остановились двое вельмож. В руках оба держали бокалы с шампанским и, судя по цвету их лиц и невнятности речи, бокалы за этот вечер у них были не первые. Они о чём-то оживленно спорили.

– Нет, мой дорогой Кирилла Игнатич! – с запалом произнёс один из вельмож с грубоватым, но открытым лицом, с чёрными, скорее, крашеными усами, совсем не молодой и больше худой, чем стройный, в чёрном фраке с Георгием на груди. Видимо, старик за последнее время здорово похудел, так как дорогой, как заметил Антон, фрак свободно болтался на его щуплой фигуре. Но старика это обстоятельство нисколько не смущало, он энергично спорил со своим коллегой.

– Сдаётся мне, что сие не ваша правда, сударь. Не с Европы идёт просвещение в мир. Нет, сударь, нет. Мне весьма и весьма понравилась мысль одного философа, Лейбница, поди, слышали о таком. «Науки и художества, – говорил он, – родились на Востоке и в Греции; оттуда перешли в Италию, потом во Францию, Германию и, наконец, через Польшу к нам, в Россию». Теперь пришел и наш черед внести свою лепту Западу. Вот мы туда и вставим своё, русское, а нам есть чего вставить, е-с-т-ь...

– Да оно, может, так и есть, не буду с вами спорить, – ответил второй вельможа. – Однако ж тут вы, Пётр Иванович, явно не будете со мной спорить.

Высокий старик заинтересованно посмотрел на собеседника.

– Одним хлебом насущным не накормить народ. Это хорошо, что над нашими просторами витает просвещение, а с Востока оно аль с Запада, не столь важно, но скажу, сударь, что и другой ветерок мог бы чаще залетать к нам, в Россию, – технический прогресс. Поди, помните первую всемирную выставку в мае 1851 года в Лондоне? Почти сорок стран участвовали в ней. А мы в ней совсем малой толикой представлены были. И весь-то наш успех выпал на чёрную икру, дотоле малоизвестную европейцам, да манную и гречневую кашу. И это, сударь, на фоне подлинных чудес науки и техники, демонстрируемых европейскими странами.

– Был я на этой выставке. Впечатлила, впечатлила... Да с казнокрадством наших чиновников, чудовищной канцелярской рутиной... Куда нам до Европы?!

Высокий старик покрутил в воздухе пальцем.

– С просвещением-то попроще будет. Мы потом вернём его снова в Грецию и на Восток, на первоначальную, так сказать, родину. Вот оно, просвещение, и совершит в своём течении полный круг. Так я понимаю сие. А кормить народ хлебом... Правительство на то есть.

Словно ища защитника своим и философа Лейбница мыслям, высокий господин повертел головой и, заметив рядом офицера, произнёс:

– Вот вы, молодой человек, слышали, поди, наш разговор? О науке молчу ужю, а вот как вы думаете, правы Лейбниц и ваш покорный слуга аль нет?

Покрутив по сторонам головой, он властно махнул кому-то рукой. Тут же подлетел человек с подносом, уставленным бокалами с шампанским.

Антон сделал шаг в сторону стариков. Высокий вельможа сам взял бокал и почти насильно вложил его в руку несколько смущённому офицеру.

– Честь имею, господа! Лейтенант флота его императорского величества Аниканов, – щёлкнув каблуками, представился он, затем добавил: – Антон Дмитриевич.

Скользнув рассеянным взглядом по белоснежному мундиру офицера, вельможи опять заспорили между собой и... не представились. Более того, тот, что дал ему бокал, вообще отвернулся. Его собеседник, тоже старичок и тоже во фраке, но коричневого цвета, маленький с круглым животиком, неестественно правильно выговаривая слова, видимо, хмель от шампанского добрался до языка, произнёс:

– Кто ж против, сударь? Не буду спорить с вами, Пётр Иванович, пускай прошелестит иностранное просвещение по просторам матушки нашей России, есть чем поживиться ему и у нас. Вот Пушкин – чем не пища для разума европейского? А вона и этот, как его, ну, за роялем...

– Рубинштейн, – подсказал Антон.

– Во-во, он самый. А Михаил Глинка?!.. Силища, талант... Молчу уже про художников Тропинина, Брюллова, да мало ли их...

– Прошелестело, говоришь, Кирилла Игнатич... Хорошо сказал, не скрою. Только то и плохо, что по верхам оно, просвещение, шелестит, да в глубь-то с трудом опускается. Потому и тёмный в основном мужик наш.

– Порядку и закону на Западе, на мой взгляд, больше. Поди, там понимают: неграмотный мужик опасен, может такого натворить... Басурман наш Пугачёв, чай, не пример тому?

Пётр Иванович глубокомысленно задумался. Что-то прошептал про себя, по крайней мере, его губы шевелились, и, видимо, найдя ответ, произнёс:

– Законности, говорите, тама больше? Да – больше, а почему? Правды в них нет, совести в ихних правительствах не хватает. Вот и отгораживаются они кучей законов, дабы хоть так заставить народ жить по-человечески.

– И заметьте, у них это лучше получается. А мы живём, как Бог на душу положит, – пробурчал коротышка.

– Однако ж талантов и у нас хватает, – недовольно пробурчал Пётр Иванович.

Антон хотел было рассказать им о своём товарище, начинающем композиторе Бородине. Сашке всего-то двадцать лет, а какой талант! И учёный, и врач, и литератор... Настоящий русский самородок. Однако слово своё Антон вставить не успел...

Толстячок чокнулся с коллегой, и, не предлагая офицеру присоединиться, оба опустошили свои бокалы до дна.

Антон обиделся. Он не стал напоминать старикам о себе, а молча, не извинившись, покинул бестактную парочку и с бокалом в руке медленно стал бродить по залу.

Между тем император приблизился к группе дипломатов и комерцсоветников, среди которых выделялась долговязая фигура английского посла Сеймура, а также не менее колоритная, тошная, – французского посланника, старика Кастельбажака. Не замечая государя, они разговаривали на повышенных тонах и даже толкали друг друга. Зная о натянутых отношениях между Англией и Францией, император не удивился подобной перепалке между ними, он лишь усмехнулся и ускорил шаг.

Чёрные фраки и мундиры со звёздами нервно зашевелились. Каждый старался обратить на себя внимание монарха. Но Николай Павлович, слегка покивав на их приветствия, напрямую подошёл к спорящим дипломатам. Француз как раз громко и напыщенно произносил фразу «Переубедить вас, милорд, мне не удастся, поэтому я перейду к оскорблениям. Вы, англи...»

В это время император, подойдя к ним, возложил свои руки на плечи французского посла и по-отечески произнёс:

– Полноте, господа. Не надо разногласия между своими странами переводить в личные отношения, тем более на балу.

Взяв английского посла под локоть, Николай Павлович увлек его с собой.

Среди небольшой свиты, сопровождающей государя, Антон разглядел морского министра Меншикова, с которым по просьбе своего благодетеля канцлера Нессельроде недели две назад имел аудиенцию. В результате беседы его мечта наконец-то сбылась: он получил назначение на Черноморский флот.

Министр тогда, в присутствии Антона, тут же вызвал своего адъютанта и дал ему соответствующие указания...

Предстоящую поездку в Крым лейтенант Аниканов ждал с нетерпением и теперь с благодарностью смотрел на Меншикова.

А тот, обогнав императора на пару ступенек, повернулся к нему лицом, преградив тем самым путь, и, нависая над государем, что-то стал рассказывать, отчаянно, словно ветряная мельница, перемалывающая зерно, размахивал при этом рукой.

Ордена на его груди, коих было множество, поблёскивали, а украшенный бриллиантами портрет императора Александра I, закреплённый на голубой Андреевской ленте, сверкал, поневоле привлекая к себе внимание окружающих. Видимо, царь тоже обратил внимание на портрет своего брата; его рука осторожно коснулась ордена.

Меньшиков смутился. Император по-отечески похлопал министра по плечу и, не сказав ни слова, продолжил свой путь, перекидываясь с английским послом ничего не значащими фразами. Поднявшись по лестнице, император повернулся к свите.

– Господа, оставьте нас. Развлекайтесь, господа, развлекайтесь, – произнёс он, увлекая за собой посла в направлении кабинета хозяйки дворца.

На этаже повсюду горели настенные светильники с густо натканными в них свечами.

– Не любит княгиня новшеств, чай, карселевые лампы-то поболее к месту здесь были бы, – недовольно пробурчал государь.

– Так в зале же они имеются, ваше величество! – заступился за хозяйку дворца Сеймур.

Император что-то пробурчал в ответ, но дальше не стал обсуждать привязанность своей родственницы к свечам и вскоре остановился у кабинета, возле которого стоял слуга, молодой, высокий, широкоплечий парень, которых обычно характеризуют «кровь с молоком».

Парень был в ливрее³⁰ красного цвета с выпушками и басонами³¹ золотистого цвета. Особо выделялись на ливрее шерстяные аксельбанты цветом в тон басонов и галуны с фамильным гербом хозяев. Император заулыбался и с удовольствием оглядел слугу.

– Вот все бы в моей армии были такими молодцами... Что скажете, милорд?

Посол пожал плечами и промолчал. Государь усмехнулся:

– Ну-ну!

Слуга с почтением открыл перед императором дверь.

...А бал продолжался. С уходом из Белого зала государя гости оживились. Дамы, те, что в почтенном возрасте, тут же задребезжали своими скрипучими голосами, обсуждая новости, больше похожие на сплетни. Те, что помоложе и кому посчастливилось недавно побывать за границей, судачили об изящной словесности и последних новинках в мире музыки.

Вот затих оркестр. В зале повисла относительная тишина, которую нарушали шелестящий шум шуршащего шёлка и бархата, зудящий шёпот столичных старух, осуждающих с подругами весьма далёкой молодости московскую и пришлую публику. Изредка раздавалось бряцанье шпор.

Антон вспомнил недавний разговор вельмож у колонны.

³⁰ Форменная одежда лакеев, слуг, швейцаров.

³¹ Шнуры, тесьма, кисти, бахрама и тому подобное.

«Просвещение... Это оно теперь кружит над вельможной элитой, – подумал он и машинально поглядел по сторонам. – Что, не за что зацепиться? Двигай наверх, в оркестровую ложу, там истинное просвещение, там есть чем поживиться», – мысленно проговорил он и рассмеялся. Затем, пожав плечами, прошептал:

– Кому говорю...

В самом углу зала Антон увидел свободный диванчик, куда и направился не спеша. По пути он встретил живописную группу женщин, сверкающих дорогими украшениями, выписанными из Парижа нарядами и изумительными причёсками. Одна из дам, помахивая веером, с ленивым жеманным придыханием и довольно громко делилась с соседками своими впечатлениями о модной в Европе опере немца Джакомо Мейербера «Роберт-дьявол». При этом она не забывала оценивающе разглядывать проходящих мимо мужчин. Приметив красавца-офицера в белоснежном мундире, дама, не скрывая томного взгляда, уставилась на него.

Антон остановился, приподнял бокал, пригубил его, вежливо поклонился в сторону любительницы нудной и скучной оперы и продолжил путь. Расположившись на диване, наконец-то с удовольствием допил шампанское. Недалеко от себя на стульях, обитых бархатом красного цвета, он заметил, если так можно сказать, своего недавнего собеседника – высокого старика во фраке не по фигуре. Неугомонный Пётр Иванович опять спорил, но на этот раз с весьма пожилым иностранцем – французским послом Бартеlemi Кастельбажаком, который после непонятной ссоры с английским послом, видимо, хотел кому-то излить свою душу: на небольшом столе перед стариками стояли уже пустые бокалы. Они разговаривали на русском языке.

Над головами вельмож на стене висела большая картина Карла Брюллова «Смерть Инессы де Кастро». Несчастливая молодая женщина на коленях умоляла испанского короля пощадить её. Трагизма добавляли двое маленьких детей, с плачем обнимавшие мать.

«Странное место выбрала княгиня для этой картины, полотно явно не прибавляет веселья», – любясь творением Брюллова и в то же время сочувствуя молодой женщине, которую ожидает казнь, подумал Антон.

По делам своего департамента Аниканов часто посещал французское посольство и этого бывшего генерала, посла, человека старого, к тому же бестактного и несдержанного на язык, знал лично. Старый вояка служил ещё в армии Наполеона, ходил на Москву и, с его слов, едва унёс ноги из России в 1812 году. Кстати, отметил про себя Антон, за свои вечно не ко времени неуместные вопросы и высказывания Кастельбажак не пользовался уважением императора.

– Э-э-э нет, сударь! – размахивая указательным пальцем перед лицом француза, видимо, что-то возражая, произнёс Пётр Иванович. – Нет, Бар-то-ля-ми, али как там вас? Неправда ваша. Льстите, поди. Вы слишком добры к нам, русским. Бойтесь всю правду о нас высказать, бо-и-тесь, по глазам вижу! Чай, поход на Москву пообломал-таки вашу прыть... До сих пор, видать, в глазах смоленский мужик с вилами стоит.

Посол замахал руками.

– То-то... – произнёс Пётр Иванович.

Старик с довольным видом расправил свои хилые плечи и, собираясь продолжить патетическую речь, лихо подкрутил усы. И вдруг, видимо, что-то вспомнив, он весь поник, сдулся, будто из него выпустили воздух, и грустно вздохнул. Плечи его опустились, голос стал тихим, едва слышным.

– А правда, сударь, она есть, и она горькая: вороват и нечестен люд русский, особливо чиновники государевы – ура-патриоты. Всяк из них глотку дерёт за государя-батюшку, а сам тут же норовит урвать из казны и положить в карман свой бездонный!.. А мужик что?.. Ему святое дело – отлынивать от работы. А чуть что – бунт, страшный, бессмысленный и беспощадный, как писал наш поэт Пушкин. А всё почему? Только давеча говорил ужо: учить мужика надобно, учить уму-разуму европейскому, да и свою даровитость не забывать. Не всё и у вас,

Баргальямеич, там, в Европах, хорошо и ладно, коль смотреть с нашего славянского уразумения. Не всё... господин посол. Другие мы, француз мой дорогой, дру-ги-е! И ничего с нами не поделаешь! Вот такие мы, русские!

Посол Кастельбажак с удивлением слушал неожиданно разоткровенничавшегося с ним почти незнакомого русского вельможу. И странно, но перед его глазами действительно стала медленно всплывать картина позорного бегства французской армии из Москвы в прошлую войну... Он, молодой гусар дивизии маршала Даву, в бабьем шерстяном платке на голове, укутанный в рваную в нескольких местах шубу, точнее, в то, что от неё осталось, голодный, с отмороженными руками, едва переставляя ноги, бредёт в шеренге таких же горемык-товарищей по смоленской дороге на Запад. И... о ужас! Из всех кустов вдоль дороги выглядывают бородатые мужики и тычут, тычут вилами в бока измождённых солдат императора Наполеона... Страх перед этими мужиками крепко засел в его сознании.

«Брр... Не дай бог такого повторения...» – с ужасом подумал посол. Однако вслух с акцентом, перевирая слова, видимо, от нахлынувших воспоминаний, воинственно и даже с нотками некоторой презрительности произнёс:

– Нас не мужики победили тогда, а ваши морозы, сударь. Не будь их...

– Что?! – заорал Пётр Иванович, да так громко, что обратил на себя внимание окружающих. – Морозы?.. Ты вот что, француз, говори, да не заговаривайся. Правда наша горемычная только нас и касается, в коей мы сами разберёмся. А вы, господа французы и прочие, попробуете еще раз сунуться к нам, мужики наши теми же вилами башки ваши разнесут к чертям собачьим. Так своему следующему Наполеону и передай. Тьфу...

Пётр Иванович встал, пошатнулся на затёкших ногах и, слегка покачиваясь, побрёл прочь от француза, бормоча:

– Морозы, вишь ли, их победили... Вот ироды!..

Удивлённый поведением своего визави француз пожал плечами и тоже встал. Посмотрев по сторонам, он направился в противоположную сторону, подалее от странного русского.

Антон, ранее обидевшись на Петра Ивановича, теперь с уважением посмотрел ему вслед. И неожиданно, сам того не ожидая, продекламировал Фёдора Тютчева:

– Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить! Вот так-то, знай наших, француз! – прошептал он, усмехаясь.

Взгляд Антона неожиданно остановился на молоденькой барышне, стоявшей среди группы молодёжи и что-то шептавшей на ухо подруге. Её широко расставленные глаза, красивый нежный ротик, светло-рыжие шелковистые волосы с вплетённой в них красной розой заставили Антона забыть обо всём. Образ незнакомки, словно магнит, притягивал к себе. Их глаза встретились.

На лице красавицы появилось смешанное выражение озадаченности и любопытства.

«Цирцея³²... Коварная обольстительница, живое произведение искусства, адское боже-ство среди облаков... – вихрем пронеслось в голове Антона где-то прочитанные им слова восхищения. А внутренний голос зашептал: – Вот она! Не уппусти свой шанс, дурень! Пусть и призрачный...»

Цирцея улыбнулась ему.

В груди Антона что-то ёкнуло, сердце гулко застучало набатом, он замер. Улыбка незнакомки ещё больше поразила его, она напомнила ему улыбку шаловливого ребёнка, который совсем неожиданно для себя увидел что-то необычное, ранее не встречавшееся... И это «что-то» очень хочется потрогать... Лёгкий румянец покрыл щеки красавицы.

И тут совсем некстати заиграл оркестр. Вальс...

Молодёжь засуетилась, застреляла глазами по залу в поисках партнёра.

³² В греческой мифологии – дочь Гелиоса и Персеиды, волшебница.

– Венский вальс, господа! Кавалеры приглашают дам, – раздался сверху голос.

Незнакомка смутилась и, ещё больше покраснев, отвернулась. За спиной Антона слышались сварливые голоса старых дам:

– О времена, о нравы! Поди, раньше-то кавалеры заранее к нам, барышням, записывались на танец. А нонче... Гляньте, княгиня, как мужики зыркают по сторонам, что кобели в поисках сучки... Тьфу...

– Ваша правда, Серафима Георгиевна! В наше-то время балы полонезом открывали, во время танца, бывало, и знакомились, и в любви признавались, и разговоры нужные говаривали...

– Потом его менуэтом заменили, – мечтательно прошамкала первая старуха. – Теперича вальс всему голова...

– Убиенный император Павел ой как не любил сей танец, а потом и жена его, Мария Фёдоровна, аж до самой смерти противилась сему вальсу.

Старуха посмотрела сквозь лорнет на танцующие пары и опять в сердцах произнесла:

– И не совестно так прижиматься друг к дружке. Совсем стыд молодёжь потеряла.

Слушая причитания старух, Антон отвлёкся, но через минуту встрепенулся. Посередине зала уже кружились пары. Он вскочил, сделал шаг в сторону барышни, но понял, что опоздал: перед ней уже стоял гражданский щёголь. Изящно поклонившись и почтительно склонив голову, он пригласил прекрасную незнакомку на танец. Стрельнув глазками в сторону офицера, барышня покорно последовала за кавалером. И вот красная роза на аккуратной головке замелькала в гуще танцующих пар.

Разочарованно вздохнув, Антон сел. Захотелось выпить. Взглянул на свой бокал... пустой, идти за вторым – лень. Слуги, разносившего поднос с шампанским, поблизости не было. Антон на всякий случай, по примеру старого вельможи Петра Ивановича, вяло махнул рукой куда-то в сторону. Но вместо слуги с подносом перед ним неожиданно предстал сам Пётр Иванович.

– Разрешите пришвартоваться к вам, господин морской офицер.

Старик уселся рядом и продолжил:

– Антом Дмитриевич, прошу бога ради меня простить. Видел вас, но с французом вспылел маленько, к вам не подошёл.

То, что старик вспомнил его имя, Антона удивило и даже позабавило: вид у него был больно виноватым. Однако ответить Антон не успел. Пётр Иванович тут же отвернулся и, несколько не стесняясь, громко, заглушая звуки музыки, прокричал:

– Эй, человек, шампанского!

И что вы думаете? Через минуту два полных фужера с игристым напитком стояли перед ними. Чудеса!..

Антон мысленно отругал себя за нерешительность, больше похожую на застенчивость, и с завистью посмотрел на старика.

А вельможа на этот раз церемонно предложил лейтенанту выпить за здоровье императорской четы. Оба встали, чокнулись, затем снова сели.

Старик выпил шампанское залпом. Слегка отрыгнув газы, он блаженно закрыл глаза.

– Господи, как хорошо! – едва слышно прошептал бывший тайный советник. – А вот вы, Антон Дмитриевич, поди, думаете, что старик выжил из ума, по залу рыщет, аки пёс бездомный, вино хлещет, иностранцев задирает... Ой, кстати, простите, бога ради! Позвольте представиться: отставной действительный тайный советник Шорохов Пётр Иванович³³.

Почтительно склонив головы, оба снова сели на диван, и вельможа продолжил рассказ о себе:

³³ Гражданский чин II класса в Табели о рангах. Соответствовал чинам генерал-аншефа (полного генерала) и адмирала.

– Родственником графа Матвея Ивановича Ламздорфа являюсь. Слышали, небось, о таком, Антон Дмитриевич? – и, нисколько не сомневаясь в положительном ответе, тут же продолжил:

– А что не танцуете, молодой человек? Она сколько хорошеньких особ в женском исполнении. Там где-то и моя внучка порхает. Дочка Егория, сына моего, что в Севастополе служит по интендантской части. Всё рвётся папеньку навестить.

Занятый мыслями о Ламздорфе, Антон не обратил внимания на слова старика. О родственнике отставного советника Антон не слышал, хотя что-то в памяти и зашевелилось, но... безрезультатно.

А Пётр Иванович разомлел. Посматривая на танцующую молодёжь, как он выразился, «женского исполнения», и, видимо, мысленно раздевая ближайшую от себя молоденькую барышню, старик замечтался. Губы его при этом причмокивали, вытягивались трубочкой, старческие глазки хлопали редкими ресницами, и он при этом вздыхал, да так жалобно и вполне натурально, словно ему только-только отказала очередная смазливая проказница. И без того не по фигуре большой фрак совсем перекосило в плечах, манишка вздыбилась и прикрыла орден, а на жилетке расстегнулась пуговица. Но Пётр Иванович этого не замечал. Чувствовалось, что старик в данный момент находится далеко отсюда, там, в прошлом, в гуще своих былых любовных походов. Но тут, слава богу, музыка стихла, танец закончился, пары разошлись. Наступила относительная тишина.

Пётр Иванович заёрзал, опять зачмокал губами и на минуту вернулся из прошлого. Открыл глаза, настоящее, видимо, его не вдохновило. Он скривился, словно от зубной боли, торопливо поправил одежду, потёр рукой затёкшее колено и... опять прикрыл глаза. Судя по блаженному выражению лица, родственнику графа явно хотелось вернуться обратно, в далекую молодость.

«О-о-о, если так, то это надолго, – решил Антон. – Не хватало ещё, чтобы он захрапел. Они, старики, странные существа. Редко помнят вчерашнее, зато удивительным образом вспоминают совсем мелкие детали из своего глубокого прошлого... И все, как один, пытаются поучать нас, молодёжь».

Как многие молодые люди, здоровые, сильные, полные жизни, к тому же весьма привлекательные, но мало размышляющие о своих прожитых годах, Антон к воспоминаниям стариков, а тем более к их советам, относился более чем неприязненно. «К чему эта древность? Прошлое не вернуть, настоящим жить надобно», – думал лейтенант.

Антон обречённо вздохнул. Танцевать расхотелось. «Что-то нет желания приглашать других барышень на глаза у милой незнакомки с красной розой», – решил он, невольно шаря глазами по залу в поисках своей Цирцеи.

Антон хотел было уже подняться и пройти по залу, но в это время Пётр Иванович слегка приоткрыл глаза, заворочался.

«Не приняло прошлое старого ловеласа, видимо, и там надоед», – решил Антон. А старик, словно очнувшись ото сна, заговорил:

– У меня характер, конечно, тяжёлый. Ну как вам сказать, даже противный, Антон Дмитриевич. Однако справедливый, смею вас, сударь, заверить, – зачем-то решил признаться старый советник. – Так значит, вы не знаете, кто такой граф Ламздорф? – настойчиво повторил старик с противным, но справедливым характером.

И, не дожидаясь от молодого человека ответа, достаточно громко начал отвечать сам:

– Император Павел I, царство ему небесное, в 1800 году призвал моего родственника к надзору за воспитанием своих младших детей, – тут старик важно поднял указательный палец вверх и хвастливо закончил фразу: – Николая Павловича и его брата Михаила. Вот так-то, молодой человек! Так что и я знавал нашего императора совсем юношей.

Язык его слегка заплетался. Продолжая сидеть, как казалось Антону, с закрытыми глазами, отставной советник не то с сожалением, не то просто от усталости совсем тихо и как-то неожиданно выдал фразу, удивившую Антона. Лейтенант даже оглянулся по сторонам: не слышал ли кто?

– Правда, от наставнической деятельности моего родственника, Матвея Ивановича, не выиграли ни Россия, ни великие князья, ни будущий император Николай Павлович в особенности.

– Зачем же император тогда назначил вашего родственника на столь ответственную должность? – осторожно, с некоторой ехидцей поинтересовался Антон.

– Видите ли, молодой человек, супруга императора Павла, императрица Мария Фёдоровна, благоволила к моему родственнику. Почему? Врать не стану, не ведаю. А ей что было главное? Отвлечь своих детей, а особенно Николая, от страсти к военной службе, к которой она относилась с большой неохотой. Вот великие князья постоянно и находились как бы в тисках: с одной стороны – матери, с другой – наставника. Они не могли свободно ни стоять, ни сидеть, ни говорить, ни забавляться. Наставник старался идти наперекор всем наклонностям и способностям вверенных ему великих князей. Сами понимаете, Антон Дмитриевич, воспитание отроков было однобоким. Граф Ламздорф мог научить Николая и Михаила только тому, что сам знал. И скажу вам, любезный Антон Дмитриевич, строго по секрету, а родственник мой и сам ничего не знал. Зато бил великих князей линейками и ружейными шомполами за любые провинности, а если не помогало, то и розгами. И все эти экзекуции аккуратно заносились в журнал. А как же?.. Папенька с маменькой ещё и недовольны иной раз были, что бил наставник мало. О как...

Понять императрицу весьма возможно. Она ведь тогда не предполагала, что именно Николай примет престол от старшего брата Александра. Впереди него шел брат Константин. А тот возьми, да и откажись от наследования. Вот и правит наш император, дай Бог ему здоровья, уже двадцать семь лет!

Антон на всякий случай нет-нет, да и поглядывал по сторонам: нет ли посторонних ушей? Как-никак жизнь царя обсуждается...

Пётр Иванович, наконец, совсем открыл глаза. Посмотрел на Антона, перевёл взгляд на пустой бокал, чуть-чуть подумал и отчаянно махнул рукой.

– Хватит, пожалуй, на сегодня. Не дай бог император заметит. Не любит он выпимших... – произнёс он, но особой решительности в его интонации Антон не услышал.

– Ну так вот, – продолжил советник. – А отцовская страсть-то в Николае Павловиче к военным порядкам и баталиям так и не улеглась, наоборот – усилилась.

– Не пойму я вас, Пётр Иванович, то ли вы осуждаете государя, то ли оправдываете.

– Упаси боже, упаси! – старик задумался. – Хотя... Антон Дмитриевич, вы правы: в чём-то и осуждаю. Порядки у нас больно жёсткие, трудно дышать. В Европах вона какие вольнодумные настроения. Опять же недовольства, восстания, баррикады... Так и до нас очередь, глядишь, дойдёт. А нам нельзя такого позволить, никак нельзя. Котёл российский может забурлить. А уж эти европейцы постараются в нашу топку дровишек словоблудия втихаря набросать... Непременно постараются... Зачем им сильная Россия?!.. А котёл у нас-то бо-о-ль-шой, просторный, парком долго будет наполняться. Да предел наступит, деваться-то ему некуда. Попыжится котёл, попыжится, да, гляди, и рванёт, да так, что и Европе мало не покажется!

– Вольнодумство в народе?.. Я о нём что-то ничего не слышал, Пётр Иванович. Недовольство – да, оно всегда есть, но это же не повод баррикады на улицах устраивать. Чай, император знает, что делать надобно в таковых случаях.

– Может, знает, а может, и нет. Окружение Николая Павловича, за редким исключением, состоит из глупых, но весьма, весьма послушных людишек. Кто же царю-батюшке правду скажет, коль каждый за место своё крепко держится? Интеллектуалов, окружавших ранее его

брата Александра I, сменили невежественные и тупые генералы. Чиновники – сплошь военные. Не спорю, многие вполне достойны быть в чинах военных, да разве гражданским обществом их учили управлять, тем паче, печясь о благе своих граждан? Попривыкали, поди, что всё им на тарелочке преподносилось, все им вынь да положь... Устав – вот что в их башках сидит. Им главное, чтобы пуговицы на мундирах блестели, воротнички чистыми были да уметь победные рапорты начальству строчить...

Антон поразился крамольным рассуждениям старого чиновника. И, что греха таить, немного испугался. Он ещё раз огляделся по сторонам. Однако рядом вроде никого не видно, все разбрелись по дворцу. Это обстоятельство Антона немного успокоило.

– Пётр Иванович, а все ли чиновники, как считаете вы, тупые? Разве можно сказать, к примеру, о чиновниках департамента иностранных дел, в коем я временно служу? О канцлере графе Нессельроде?..

– Похвально, молодой человек, в вашем возрасте находиться в таком месте на государственной службе. А чьих вы будете, Антон Дмитриевич, кровей, позвольте полюбопытствовать.

Антон несколько растерялся от такого довольно бестактного вопроса, тем более, особой родословной хвалиться ему не приходится. Однако, вспомнив, что и старик больше делал упор на родство со своим именитым родственником, произнёс:

– Родитель мой небольших чинов – отставной майор по морской части. Однако родственник по матери – барон Бруннов, наш посол в Лондоне. Он состоит в хороших отношениях с канцлером Нессельроде.

Тайный советник одобрительно покачал головой.

– Поди, знаете такового... – с ехидцей добавил Антон.

На кого из них намекал Антон, было не ясно, и Пётр Иванович на всякий случай произнёс:

– Да-да, люди уважаемые.

Мужчины на какое-то время замолчали.

– Так, Антон Дмитриевич, говорите, вольнодумства у нас в России нет? – первым нарушил молчание тайный советник. – Нет, сударь, 1825 год ещё не забыт, мысли бунтарские ещё живы в обществе. Наш император Николай Павлович тогда круто с ними обошёлся, да мысли их остались. А мысли, молодой человек, аресту не подлежат. Пример тому – надеюсь, неизвестный вам Петрушевский и его соратники. Тоже тайное общество организовали, призывали к революции...

– Это которые были арестованы года четыре назад, в 1849 году? Я в то время как раз вернулся из Лондона. Их приговорили к смертной казни, кажется.

– Они самые. Да государь потом смилостивился и отправил их на вечную каторгу. Говорю же: мысли те заразные долго ещё будут терзать умы русские.

Заиграла музыка.

– Мазурка, господа! Мазурка... – раздался голос сверху.

Пётр Иванович скривился. Было видно, что начатый разговор ему не хотелось прерывать. Он ближе придвинулся к своему визави.

Антон тоже хотел поддержать этот немного опасный разговор.

– Зима... 1825 год... Сенатская площадь... Меня, Пётр Иванович, в то время ещё не было на свете, но про сие событие знаю по рассказам. Чего хотели декабристы, не понятно... Чем им император-то не угодил?

Пётр Иванович укоризненно посмотрел на Антона и усмехнулся:

– Не против престола они вышли на площадь, молодой человек. Совсем нет... Православие и самодержавие есть основа существования России. И на это никто не покушался. Нет! Жизнь общества они хотели улучшить... и только!

Признаюсь вам, Антон Дмитриевич, тогда многие, в том числе и ваш покорный слуга, хотели покончить с причинами отставания России от Европы, да боялись открыто говорить об этом. А вот декабристы решились... Результат известен. А почему?.. Забыли они, что, помимо православия, самодержавия, есть ещё на-род-но-сть, – протяжно произнёс отставной советник, явно делая ударение на последнее слово. – Это раньше в столице государственные перевороты делали в одну ночь, а в XIX веке одного желания мало. Она как в Европе полыхало совсем недавно. Народ поднялся... Короля Франции престола лишили, республику провозгласили...

– А через три года восстановили, – вставил Антон, – император Наполеон III правит нынче, – и тут Антон не удержался и похвастался: – Я с этим Шарлем-Луи Наполеоном немного знаком, он письмо через наше посольство в Лондоне для нашего императора передавал. Хотел тогда Наполеон аудиенцию у государя заполучить. Да не получилось, отказали ему в том. Мы с этим Шарлем в доме дяди моего, Филиппа Ивановича, долго беседовали, кофе пили, дядя грог сделал, расстались друзьями, – немного приврал Антон.

– Вот вы, Антон Дмитриевич, теперь видите разницу в революционных событиях. Там, во Франции, народ поднялся, а у нас – малая часть военной верхушки. Не учли наши революционеры: русские люди глубоко религиозны и преданны царю-батюшке, потому и не вышла большая часть солдат на площадь. Мужик-то русский, он сперва понять должен, что от него хотят, и будет ли ему, мужику, лучше от этого. А что для этого нужно?.. Слышали, поди, наш недавний разговор с товарищем моим Кириллом Игнатьевичем?..

Антон кивнул.

– Просвещение мужика – вот наиглавнейшая задача, мой дорогой лейтенант. Вот так я думаю. И заметить хочу, вы уж послушайте старика, Антон Дмитриевич. Для Европы главное – корысть, всё на деньги переводят, а для России главное – духовность. Вот откуда и вечное несогласие у нас. Господи! – старик перекрестился. – Уже начал изрекать мудрые мысли. Совсем старым, значит, стал.

Бывший тайный советник тяжело вздохнул и погрузился в свои мысли. Но Антон своим вопросом вывел его из этого состояния.

– Это что ж получается?!.. Значит, французы зря бунтовали, коль всё на место вернулось? Хочу вас, ваше превосходительство, спросить, – с насмешкой произнёс Антон.

Пристукивание танцующих пар каблуками (атрибут мазурки) и сама музыка заглушили слова лейтенанта, старик его не услышал, и Антон не стал дальше продолжать опасный разговор, тем более что, потирая колено, старик уже поднялся с дивана. Он пристально посмотрел на Антона и неожиданно тихим и печальным голосом изрёк:

– Память о мудрых никогда не исчезнет, ибо мудрость и просвещение есть законные дети своих родителей. Собирайте, молодой человек, эту сладкую пищу для старости. Господи, прямо на глазах старею, мудрость прямо-таки прёт наружу.

Старик окинул взглядом зал и, покачав головой, добавил:

– Ох-ох, зачем говорю, кому?..

И опять не извинившись, чуть-чуть прихрамывая, удалился в поисках очередного собеседника.

Прошло ещё около часа. Устав бесцельно бродить по залу, Антон присел на диван подле группы весьма пожилых людей. Причём старички сидели рядом, но обособленно, как бы отдельно от недалеко ушедших по возрасту дам, по всей видимости, собственных жён.

Старички были возбуждены. Весьма вероятно, спорили и, как обычно любят пожилые люди, весьма горячо, настырно добиваясь только своей правды.

– А я... а я, милостивейшие господа, говорил и говорю, – запальчиво и довольно громко убеждал коллег один из стариков, одетый в чёрный дорогой, но старомодный мундир государева чиновника не менее десятого ранга. – Государь наш спасал австрийский престол в 1848

году только из монаршей солидарности. А зачем, я вас спрашиваю? Держимордами стали мы в Европе, а не спасителями устоев чужой страны.

– Верно, верно, граф, глаголете. Пусть бы австрияки сами со своими венграми и воевали. Нам-то чего до них? Всем в Европе хотим помочь, всех примирить меж собой...

И тут, обратив внимание на подсевшего к ним офицера, старики, как по команде, замолчали. Зато их жёны, обвешенные драгоценностями, завидев красавца-лейтенанта, переключили на него своё внимание.

И уж тут Антон вдоволь наслушался от них упрёков в чересчур свободных нравах нынешней молодёжи. Старушки говорили и говорили, они перебивали друг дружку, каждая старалась высказать претензии к молодёжи, видимо, выговаривая личные обиды на своих молодых родственников.

Антон все выслушивал молча. В знак согласия с дамами он почтительно кивал головой. Выговорившись, а главное, не услышав возражений со стороны молодого человека, отчего не получилось так нужного для них спора, старушки успокоились. Побурчав ещё немного, они отвернулись от Антона и, улыбаясь своими сухими губами на морщинистых лицах, опять, словно стервятники, разглядывая зал, продолжили высматривать очередную жертву.

Антон расслабился, но ненадолго. За него принялись мужья этих самых престарелых дам.

В орденах на всю грудь, порядком уставшие, чуть под хмельком, если судить по цвету лиц, под неусыпными и весьма строгими взглядами своих благоверных жен, старики мужественно сидели на стульях, изображая довольный вид. Появление рядом с ними молодого офицера, видимо, всколыхнуло в них воспоминания о былой молодости.

И что Антона поразило, они сразу же заговорили... Нет, не о политике, хотя это было совершенно естественно, не о самом бале и даже не о присутствовавшем на вечере императоре... Старички заговорили, и причём почти разом, о пагубности ранней женитьбы... С чего бы это? Надо полагать, для них это был большой вопрос. Перебивая друг друга, почти шёпотом, не забывая при этом пугливо озираться на своих старушек, они стали приводить молодому офицеру разные доводы не в пользу поспешности ранних браков. Антон почтительно выслушивал наставления и в знак согласия, как и ранее с их жёнами, тоже, не споря, соглашался.

Вскоре эта тема себя исчерпала, и разговорившиеся старики теперь уже в полный голос стали обсуждать события последних дней, мало обращая внимания на морского офицера его императорского величества.

Антон заскучал. Интерес появился снова, когда эти нафталиновые кавалеры заговорили о флоте и о пароходо-фрегатах. Тут Антон узнал, что мода на паровые фрегаты, оказывается, скоро пройдёт, мол, ветер-то на дармовщинку, а пар...

– Это ж сколько надо угля и дров с собой возить?.. Я плавал, я знаю. Удивляюсь государю: пошто деньги на то даёт? Ошибку, ошибку Николай Павлович совершает, – тоном знатока прошепелявил до этого молчавший старичок.

Антон не стал вступать с ними в спор. Зачем?.. Старую гвардию не переубедишь... И, уже расставаясь с этой нафталиновой группой, услышал наставление. Один из стариков очень тихо на ухо (не дай Бог услышит супруга) напутствовал офицера напоследок:

– Юности свойственна пылкость, старости – хладнокровие. Однако, лейтенант, коль хочешь быть самим собой, делать, что считаешь нужным, и уважать себя, не женись рано по молодости, потерпи.

И старичок, поправив на груди ордена и медали, опять бросил взгляд в сторону своей супруги. Убедившись, что она не слышала его крамольных слов, с грустью, больше похожей на плохо скрываемую зависть, посмотрел на молодого красавца. Антон ухмыльнулся. Подобное он уже слышал. Дядя также поучал... Дабы не обидеть старика, он обещал крепко подумать над его советом.

Стало совсем скучно. Антон встал и с тоской оглядел зал. Барышни с красной розой нигде не было. И вдруг там, за колонной, где он сам стоял совсем недавно, мелькнуло лицо прелестной незнакомки. Она стояла рядом с мужчиной в чёрном фраке, лицо которого Антону не удалось рассмотреть. Девушка улыбалась. И, о ужас!.. Она обняла и поцеловала этого мужика...

Антон замер. В бессильной ярости он закрыл глаза. Когда же открыл, возле этого «щёголя», почтительно согнувшись, стоял слуга с бокалами шампанского. А сам «щёголь», повернувшись в его сторону, махал ему рукой, приглашая подойти.

Антон от радости весь засветился. В «щёголе» он узнал своего знакомого – отставного действительного тайного советника Пётра Ивановича Шорохова...

– А незнакомка, получается, и есть его внучка?.. – довольный, пробормотал лейтенант.

Но на всякий случай он посмотрел по сторонам, желая убедиться, что призыв бывшего советника относится именно к нему, и несколько поспешно направился в его сторону.

Сердце Антона сразу же гулко застучало в груди, и казалось, пуговицы мундира вот-вот лопнут и оно выскочит наружу. Стало сухо во рту, на лбу выступила едва заметная испарина.

Советник и его внучка, глядя на приближающего офицера, о чём-то переговаривались. Собственно, говорил, советник, а внучка широко раскрытыми, видимо от удивления, глазами смотрела на Антона.

Когда до заветной цели оставалось шага три, Антон, сам не понимая почему, неожиданно перешёл на печатный шаг. Это было так смешно, что и внучка, и ошарашенный Шорохов не сдержались и прыснули со смеху: она – прикрывая свой прелестный ротик веером, он – захлопнув рот ладонью. Даже слуга, продолжавший стоять с подносом, и тот едва заметно ухмыльнулся.

На последнем шаге Антон почтительно склонил голову.

– Позволь представить тебе, дорогая, моего знакомого: Антон Дмитриевич Аниканов!

Щёлкнув каблуками, Антон ещё раз склонил голову перед незнакомкой.

– Елизавета, – покраснев, прошептала девушка, подавая руку для поцелуя.

Пётр Иванович взял с подноса два фужера и радостно протянул один из них Аниканову.

– За знакомство, молодые люди!

Затем, подумав, взял ещё один фужер и протянул его своей внучке.

– Не грех и тебе, Лизонька, потребить сей великолепный напиток. Не бойся, маменьке не скажу.

На лице Лизы проступил легкий румянец, она смущённо взяла бокал.

– За знакомство, – ещё раз произнёс отставной советник.

Однако, господа, не будем мешать молодым людям. Как сложится у них жизнь, да и сложится ли?.. Загадывать не будем.

А мы вернёмся к императору Николаю Павловичу.

Разговор императора с английским послом

Копотившийся возле камина мужичок, подпоясанный кушаком, в треухе, напяленном по самые уши, даже не обернулся на звук открывшейся двери. Он с сосредоточенным видом продолжал шуровать кочергой в камине, разгребая раскалённые головёшки. У его ног лежало с десятков крупных сосновых поленьев, от которых исходил приятный запах дерева. Из камина шёл сильный жар, однако в кабинете было ещё прохладно.

Николай I подошёл сзади к мужичку и тронул его за плечо. Тот испуганно обернулся. К удивлению императора, им оказался мальчишка десяти-двенадцати лет от роду. Одетый по такому случаю в чистую холщовую рубаху и сравнительно чистую тёплую поддёвку, при виде государя, коего не раз видел на портретах, мальчишка не ступешался. Он стащил с головы треух, тут же засунул его за пояс и по-взрослому степенно поклонился.

– Это... ещё чуток. Я мигом... Подожди, государь, – важно произнёс мальчишка и снова повернулся к камину.

От такой детской непосредственности император рассмеялся. Взглянув на посла, он сквозь смех на родном для англичанина языке произнёс:

– Видали, милорд? Император, оказывается, подождать должен. Во как!.. – и уже на русском, добавил: – Ну-ну, пострел! Давай, коль мигом.

Мальчишка быстро положил в камин поленья, придав им вид шалашика, и, набрав в лёгкие воздуха, пару раз с силой подул на дрова. Поленья занялись, язычки пламени побежали по поверхности дерева и, подогреваемые снизу, запылали. Слегка потянуло дымком...

Мальчишка шмыгнул носом, опять поклонился императору и, ни слова не говоря, но весьма довольный собой, вышел из кабинета.

Посол в это время с любопытством осматривал кабинет, который впечатлял своими размерами, сводчатым потолком и множеством резных дубовых панелей, закреплённых по стенам. Освещаемые довольно ярким светом от нескольких канделябров, картины, дорогие безделушки, напольные вазы и прочие милые, скорее, женскому сердцу украшения создавали в кабинете домашний уют. Бронзовые часы в форме всадника, поражающего своим копьём змею, стоявшие на камине, начали отбивать время. Мелодичный перебор колокольчиков разнёсся по кабинету.

– Однако, прохладно. Не находите, милорд? – произнёс император. – Давайте сядем ближе к камину, согреемся.

– Так, я вас слушаю, господин посол, – удобно устроившись на стуле поближе к теплу, несколько официозно произнёс император.

Сеймур сел напротив и медленно произнес:

– Ваше величество, моему правительству весьма желательно уточнить некоторые детали наших с вами предыдущих разговоров по поводу...

– Опять Турции?.. – закончил за посла фразу император. – Хм... А мои ранее высказанные суждения по этой стране ваше правительство не устраивают?

– Ваше величество, я только передаю просьбу своего руководства, не более того. Тем более, как вы, очевидно, знаете, преемник лорда Палмерстона, граф Кларендон, желает поскорее войти в курс дела, – как можно безразличнее и даже с некоторой обидой ответил посол: мол, ну я-то здесь при чём?

Однако показное безразличие Сеймура было только обычной маской искусственного политика, не более того. Внутри же у немолодого, где-то за пятьдесят лет, посла всё больше нарастало чувство странной, пока не совсем внятной тревоги. Собственно, признаки некоего беспокорьяства были и раньше, но с последним посланием из Лондона они как-то весьма заметно усилились и, более того, стали тревожными.

«Королева с опаской смотрит на рост могущества России, – писали из Лондона. – Предложение императора Николая о совместном разделе Турции слишком расплывчато, но даже и в таком виде амбиции русского царя опасны, они грозят благополучию нашей империи. Милорд, нужна конкретика. И ещё! При первой возможности постарайтесь прилюдно показать своё неуважение к французскому послу, вплоть до конфликта с ним. Нам важно всячески подчёркивать неприязнь к Франции. Причину ссоры придумайте сами».

«Ну, склока с французом прошла удачно, прямо на глазах императора, – с почтительностью глядя на русского самодержца, размышлял Сеймур. – Что за афёру они там, в Лондоне, затевают? Кастельбажак легко пошёл на скандал, а, завидев царя, стал меня толкать руками, ещё немного – и дал бы мне по морде... Тут уже не видимость ссоры, а вполне реальная... Хотя француз – человек грубый, солдафон до мозга костей, для него распустить руки – не проблема. Видимо, и он получил подобное указание. Так что же в Лондоне все-таки затевают? Вон новых подозрительных комерцсоветников мне прислали в помощь... Ходят, всё высматривают... Может, шпионы?.. Мне не доверяют?..»

В это время император шумно вздохнул и забарабанил пальцами по столу. По его лицу пробежала тень недовольства. По всему чувствовалось, что монарх без особого удовольствия согласился на эту встречу.

– Я вообще-то рассчитывал получить от вас, милорд, ответы на поставленные мною вашему правительству вопросы. Но в связи с отставкой лорда Палмерстона, – Николай вздохнул, – придётся начинать всё с начала. Вы знаете моё отношение к Великобритании. То, что я вам лично говорил ранее, повторю и теперь. Главной заботой русского престола была, есть и будет безопасность Европы, в том числе и России как её незыблемой части. А потому я искренне желаю, чтобы наши государства были связаны крепчайшими узами дружбы. Мы – две империи! Нам нельзя конфликтовать. Я уверен, что это возможно. Я и ранее передавал Джону Расселю, с которым в отличии от его приемника, графа Дерби, был знаком более тесно, что если мы заодно, то для меня остальное несущественно, а уж то, что будут думать о нас другие, меня вообще не интересует. Эти же мои слова были доведены и до нынешнего премьер-министра графа Абердина. Жаль, что правительство её королевского величества поменяло своё мнение, так ведь, сэра Сеймур?

– Видимо, так, ваше величество. Сэр Абердин в некоторой степени идеалист, его политика сочувствия народным волнениям в Европе не вполне согласовывается с прошлой политикой лорда Палмерстона и её величества королевы. И всё-таки, ваше величество, я был бы рад, если бы вы присовокупили несколько успокоительных слов насчет Турции.

Император нахмурился. После некоторого колебания он твёрдо произнёс:

– Мир – песок, огромная масса золотистого песка... Как он податлив в руках и под ногами... Порой кажется: бери его, делай по своему разумению из него все, что хочется!.. Сколько веков разные люди пытаются из этой массы слепить что-то прочное, постоянное. Ан нет! Всё меж пальцев утекает. И опять всё меняется, и опять всё надо начинать сначала. Так и с государствами... Давно ли Турция устрасала весь мир? Расползлась по территории, равной едва ли не всей России. И что сегодня?

Посол не ответил, он развёл в стороны руки. А Николай продолжил:

– Вы сами знаете, милорд, что дела Порты находятся в самом дурном состоянии. Она близка к полному распаду. Её гибель, однако, была бы несчастьем для Европы. Турки и народы, её населяющие, разбредутся по всем странам, а прошу заметить, милорд, они другой веры, другой культуры. И что будет с Европой через пятьдесят лет?.. Догадаться нетрудно. России и Англии необходимо обоюдное согласие по этому вопросу и не предпринимать ничего втайне друг от друга.

– Я уверен, что моё правительство вполне разделяет этот ваш взгляд, ваше величество, – как можно уверенней произнёс Сеймур. – Если я правильно понял слова вашего величества, – продолжил он, – вы считаете расчленение Турции весьма возможным?

– Напротив, – с нотками огорчения возразил император. – Это вы, англосаксы, приписываете мне какие-то завоевательные стремления. Я не разделял и не разделяю идей моей бабки, императрицы Екатерины. Моё государство так обширно, что приращение территорий само по себе уже включает опасность, а потому я не имею никаких территориальных претензий к Турции. Но меня весьма и весьма заботит, что в Турции есть десяток миллионов христиан. Россия получила свет христианской веры с Востока – это факт, и это подразумевает некоторый долг.

На последних словах императора посол чуть-чуть иронично скривил губы. Николай это заметил. Сделав паузу, он как-то не по-доброму посмотрел на англичанина и недовольно произнёс:

– А вот то, что вы подумали, милорд, при словах о моём долге перед христианами... в данном случае к России не имеет никакого отношения. Тот факт, что мой брат Александр не поддержал в 1821 году восстание греков против турок, то есть христиан против мусульман, говорит о дальновидности брата. Не хотел он проникновения в Россию бунтарских настроений.

Император посмотрел на посла. Сеймур отвёл глаза в сторону. И Николай, заметив это, произнес:

– Вот-вот, ваш дальнейший ход мыслей мне тоже известен. Декабрь 1825 года?!.. Так ведь?

Однако посол промолчал. И император счел нужным ответить:

– Должен вам, милорд, заметить, то было совсем другое. Да-да, другое. На площадь вышли недовольные, желавшие в одночасье поменять исконные порядки в русском государстве. И эти настроения шли оттуда, из Европы! И уж поверьте мне, то бунтарство совсем не связано с религией, тем более с христианской.

Император замолчал. События тех давних лет в одно мгновение пронеслись в его голове. Сеймур видел состояние русского самодержца и потому тактично не стал его тревожить продолжением неприятного разговора.

Наконец, словно очнувшись, император вернулся к первоначальной теме:

– Опять повторюсь: ещё при моём отце, императоре Павле I, его министр иностранных дел Ростопчин, точно сравнил Турцию с безнадежно больным человеком, коему медики не хотят объявить об опасности его болезни. Весьма метко и чётко заметил министр. И сегодня она, Турция, качается, и кажется, что вот-вот упадёт.

И лучше, милорд, нам предупредить её падение, нежели ждать катастрофы. Ещё в 1844 году, будучи в вашей стране, я так и сказал английской королеве на одном из раутов. И она была солидарна со мной.

В знак согласия посол слишком подобострастно закивал головой. Заметив это, Николай внутренне разозлился и с более суровой интонацией продолжил:

– Но, милорд! Тут я вам скажу со всей откровенностью: если Англия надумает в ближайшем будущем водвориться в Константинополь или под любым предлогом взять под свой контроль проливы Босфор и Дарданеллы, то я не позволю ей этого сделать... Но и я, со своей стороны, равным образом расположен принять обязательство не водворяться туда, разумеется, в качестве собственника; в качестве временного охранителя, коль вынудят к тому серьёзные обстоятельства, – дело другое.

В камине затрещали дрова. Император встал, подбросил пару поленьев. Затем, заложив руки за спину, стал расхаживать по кабинету. Посол тоже встал.

– Меня несколько удивляет подобный разговор, милорд, – снова заговорил Николай. – Вы прекрасно знаете, что я не меняю своих решений. А такая настойчивость вашего правительства в вопросах, связанных с Турцией, оставляет в моей душе недоверие и даже, скажу больше,

сомнение в наших дружественных отношениях. Надеюсь, это сомнение рассеется в скором времени. Так ведь, милорд?

– Безусловно, ваше величество!

– А вот, как я уже говорил не единожды, что меня волнует больше всего, так это положение христиан в Османской империи. А оно, как вам известно, тревожное. Я должен иметь право на вмешательство, коль на то будут основания.

– Но, ваше величество, судьба христиан – не повод для чересчур резкого обострения отношений с турками. Ведь это не понравится и другим странам.

– Это у вас, англичан, религия не главное в единстве народа и стабильности государства. Россия – другое дело. Христиане в своей основной массе сотворённый Создателем мир воспринимают чувствами, душой, данной от Бога нашего Христа, пришедшего в Россию с Востока. Православные христиане – совестливые, в беде не бросят, плечо, коль надо, подставят.

Император перекрестился и несколько торжественно произнёс:

– И это налагает на нас, русских православной веры, известные обязательства. Можете вы себе представить на миг, что империя османов рухнет? Ужо молчу про Европу... Нетрудно догадаться, что будет с людьми одной с нами веры... Лучше нам предупредить сию катастрофу, чем ждать, что такое случится.

Император задумался, затем снова продолжил:

– Надеюсь, вы в курсе, милорд, что год назад французы в конце лета провели наглую демонстрацию силы. У стен Константинополя неожиданно появился их военный корабль. Не помню, сколько на нём было пушек, но уже в декабре турки передали ключи от церкви Рождества Христова католикам. Каково?.. Заметьте, сударь, не православным, коих в Турции более десятка миллионов... И это странно... До подозрительности странно, милорд! Я бы даже сказал, оскорбительно для России. Все знают: проход военных кораблей по проливам Дарданеллы и Босфор, согласно Лондонской конвенции 1841 года, в мирное время запрещён!.. А ваше правительство молчит и никак не комментирует сие нарушение.

– Ваше величество, вы несправедливы к Великобритании. Это нарушение конвенции правительством её королевского величества было расценено как недружественное по отношению к заинтересованным сторонам.

– Что вы говорите? – с нескрываемой иронией произнёс император. – Так громко возмутились, что даже мой посол Бруннов в Лондоне, и тот не расслышал ваше гневное осуждение.

Англичанин изобразил на лице что-то похожее на сожаление, но промолчал.

– Поэтому я повторюсь, – решительно сказал Николай I, – наихудшие обстоятельства при крахе Турции меня могут вынудить к решительным действиям. Чего я, видит Бог, не хочу. Но смею заверить ваше правительство, что при тех же обстоятельствах возможен и другой путь – установить временный международный контроль, конечно, с вводом в Турцию совместных вооружённых сил. Почему нет?.. Вот, милорд, пункты, по которым я желал бы иметь понимание и содействие Великобритании.

Ясно сознавая громадную важность последних слов императора, посол сделал паузу, прежде чем ответить государю. Он уже хотел было уточнить, что государь имел в виду под наихудшими обстоятельствами, но... не стал этого делать. В последнюю секунду Сеймур решил не акцентировать на этом внимание. «Наверное, – решил он, – именно слова русского императора

«вынудить к решительным действиям» и хотели бы услышать в Англии... Что ж! Лондон их услышит и довольно скоро». Вслух же Сеймур деловито произнёс:

– И они, содействие и понимание, с нашей стороны обязательно будут, ваше величество. Насколько мне известны намерения моего правительства, я наперёд смею вас заверить, что в случае возможного падения Турции и ваших, как вы выразились, вынужденных временных действий королева Великобритании не станет разрушать дружеские связи с Россией, тем самым теряя друга и союзника, – голос посла дрогнул.

Сеймур врал и, как истинный джентльмен, слегка покраснел. Но Николай I этого уже не заметил, как не заметил и дрогнувшего голоса своего визави.

Чтобы как-то исправить неловкость от своих совсем не убедительных слов (хотя у него мелькнула мысль, что в дипломатии все средства хороши), Сеймур энергично произнёс:

– А по поводу нарушения Францией Лондонской конвенции, повторюсь, ваше величество, моё правительство весьма сожалеет об этом поступке французов.

И опять голос посла чуть-чуть дрогнул. Император опять не почувствовал фальши. Думая о своём, Николай рассеяно произнёс:

– Надеюсь на благоразумие английского правительства и добрые к нам чувства королевы. Весьма надеюсь, господин посол.

Но затем, словно отогнав от себя какие-то тревожащие мысли, император решительно произнёс:

– Но в Англии есть ещё и политические партии: тори, виги, к примеру. Да и лорд Палмерстон, видимо, продолжает играть не последнюю роль на политической сцене...

– Королева Великобритании – голова всему, ваше величество! И этим всё сказано, – патетически воскликнул посол.

– И это правильно! В государстве всегда должен быть один хозяин.

– Ваше величество, с вашего разрешения я всё-таки хотел бы опять вернуться к вопросу о Константинополе.

Император скривился, а посол, не обращая на это внимания, продолжил:

– Быть может, ваше величество, вы лучше нас, англичан, осведомлены о положении в Турции... Однако из переписки с нашим послом в Константинополе я не вывел заключения о скорой гибели Оттоманской империи.

С некоторым нетерпением, в котором преобладали оттенки превосходства, государь произнёс:

– Я понимаю вашу настойчивость, милорд. Экономика Великобритании весьма нуждается в Турции. Ваш экспорт в эту страну за последние годы вырос в два раза... Да что говорить, вы поставляете в Турцию, как мне докладывают мои министры, одних тканей в четыре раза больше, чем мы!..

– Так получается, ваше величество. Английские купцы быстрее находят общий язык... – промямлил Сеймур.

Словно не слыша посла, император с раздражением продолжил:

– Я повторяю вам, господин посол, что Турция умирает. И у нее, как у смертельно больного человека, часто наступает короткий период временного улучшения. И всем кажется, что болезнь отступила, больной поправляется... А это всего лишь временная отсрочка от смерти. И этой отсрочкой нам вместе с вами, милорд, необходимо успеть воспользоваться. Как любила говорить моя бабка Екатерина II: «Когда пирог испечён, у каждого появляется аппетит». Нам ведь с вами известно, что я имею в виду.

– Бабушка ваша – великая и по стати, и по делам своим, ваше величество, – с почтением произнёс посол. Николай же, словно не заметив комплимент в адрес своей прародительницы, продолжил:

– Я скрывать не буду, милорд. Балканы – сфера национальных интересов России. А потому Придунайские княжества остаются под моим покровительством. Сербия может устроиться таким же образом, так же и Болгария. Что касается Египта, я понимаю всё значение этих территорий для Англии, а потому совершенно не посягаю на них, но с условием, что Англия не будет посягать на Константинополь и проливы.

– Что касается Египта, – поспешно вставил Сеймур, – смею ответить, ваше величество, что Англия всегда заботилась лишь об обеспечении торгового пути в Индию...

– Пусть будет так, – с некоторой долей иронии произнёс Николай I. – То же самое я скажу и о Крите. Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу причин, почему бы ему не стать английским владением.

Император замолчал. Заложив руки за спину, он продолжал медленно расхаживать по кабинету. Было тихо. Шум и музыка, ранее доносившиеся с первого этажа, затихли. И только мерное поскрипывание сапог императора и потрескивание в камине дров нарушали эту тишину.

Но вот государь произнёс:

– Однако, милорд, мы с вами заговорились. Надеюсь, на этот раз мы поняли друг друга, как поймёт и ваш истеблишмент во главе с королевой Викторией и её правительством.

– И я, ваше величество, не оставляю тех же надежд. Подробный отчёт о нашей встрече будет немедленно передан в Лондон.

Сэр Сеймур почтительно склонил голову и, пятась, сделал несколько шагов в сторону выхода. Уже открыв дверь, он услышал голос императора:

– Я помню, милорд, 1827 год. Помню, как наши страны: Россия, Англия и Франция – однажды встали под общие знамёна на защиту христиан. Хорошо помню. Мы доверяли тогда друг другу и были едины. Вместе разбили турок. Бой в Наваринской бухте – не доказательство ли того? Разнесли турецкий флот в пух и прах. Почему я вам это напоминаю? Мы – великие державы и, несмотря на взаимную неприязнь Англии к Франции, мы должны быть вместе. От нас зависят мир и спокойствие в Европе.

Вот почему я доверяю английскому правительству, милорд, и не требую от ваших министров никаких письменных обязательств. Мне достаточно переданного через вас устного согласия английских джентльменов. Этого, полагаю, между нами, партнёрами и союзниками, вполне достаточно.

Посол повернулся в сторону монарха и учтиво поклонился.

«Зря полагаете, ваше величество, – пронеслось в его голове. – Сколько лет прошло с тех времён?!.. Может быть, в планы моего правительства и входит раздел Турции, но уж точно без вас, сударь, без России. Права ваша бабка: пирог всегда приятней есть без прожорливых соседей».

Часы стали отбивать полночь, хрустальный перезвон разнёсся по кабинету. Странно, но после беседы с русским самодержцем этот звон английскому послу уже не казался приятным, он больше походил на тонкий голосок мальчика-певчего, поющего с клироса при отпевании покойника.

Сеймур и сам удивился такому неожиданному восприятию звона. Он что-то зашептал, и губы его тронула едва заметная ухмылка. Государь её не заметил.

– Да, милорд, и не считите за труд, передайте канцлеру Нессельроде, чтобы он поднялся ко мне и пригласил с собой морского министра князя Меншикова. Прощайте, милорд!

В открытую дверь залетели приглушённые шумом веселящейся публики звуки мазурки. Сеймур ещё раз поклонился монарху и скрылся. Слуга закрыл дверь. Император остался в кабинете один.

В ожидании канцлера и министра он стал рассматривать висевшую на стене картину Карла Брюллова «Итальянский полдень». Налитая соком гроздь созревшего винограда, молодая итальянка, белоснежная грудь которой поневоле приковывала внимание, счастливое лицо девушки...

«И нет у неё никаких проблем. Завидую... – грустно подумал самодержец. – Мне бы...»

Звук открываемой двери прервал его размышления. Вошли приглашённые им сановники.

Нессельроде был возбуждён: лицо красное, потное. Преданно глядя на государя, Карл Васильевич манерно утирал платочком пот с лица. По всему было видно, что вызов к Николаю

застал его танцующим с очередной красавицей. Князь Меншиков, наоборот, был само спокойствие. Ему, известному в обществе злому на язык насмешнику, это давалось сейчас с трудом. Его так и распирало желание состричь по поводу фривольного поведения семидесятирёхлетнего канцлера.

Николай Павлович всё понимал и в душе потешался над своими министрами.

– Господа, вы знаете, что я только что имел беседу с послом Сеймуром. Не скрою, расстроился. Почему?.. Пришлось вторично пояснять свои планы на совместное с Англией сотрудничество. И вторично подтвердить моё предложение по Турции, весьма выгодное для Великобритании. Надеюсь на взаимопонимание английских джентльменов.

Однако особой радости в голосе императора министры не услышали, и сей факт не преминул отметить про себя Нессельроде: «И правильно! Можно ль доверять англичанам?» Но вслух произнёс:

– А Франция, ваше величество?.. Последнее время посол Кастельбажак что-то неприлично мирно себя ведёт. Не скандалит у меня в департаменте, не требует разъяснений по каждому поводу и вообще всё реже появляется в присутственных местах. К тому же чаще приходит трезвым, чем навеселе. Подозрительно, ваше величество! Как бы этот Наполеон фортель не выкинул – с королевой не сошёлся. Да и австрияки ведут себя подозрительно.

– Ваши подозрения беспочвенны, граф. Не найдут эти страны общего языка между собой. Слишком большие претензии у французов к англичанам. Вон только что на моих глазах француз прилюдно поскандалил с Сеймуром, опять что-то не поделили. Какая там дружба?!.. Нет-нет, исключено! Да и королева Виктория не пойдёт на разрыв со мной. А Австрия... не примет ничью, кроме моей стороны. Ну, в крайнем случае, будет нейтралитет.

Неожиданно государю возразил Меншиков:

– Австрия, бог с нею, ваше величество! Но как не вспомнить Наваринское сражение?.. И французы, и англичане вместе с нами тогда воевали бок о бок, несмотря на взаимные претензии. А сейчас снюхаются?!..

– Пустое, князь, пустое. Тогда была священная война христиан против мусульман: не до разногласий было. Нынче время другое.

– Однако союзнички быстро вышли из той войны, а нас бросили, и мы одни с турками стали воевать. Не верю им, ваше величество, – не сдавался морской министр.

Государь нахмурился, но в спор с «сухопутным адмиралом» вступать не стал. Он помнил секретное сообщение посла Бруннова о том, что французы после своих революций ещё слабы и не скоро наладят отношения с англичанами, а это исключает возможность их союза. Себя он успокоил мыслью: «По крайней мере, не будут мешать, ежели что».

Нессельроде молчал, где-то глубоко в душе оправдывая сомнения Меншикова. Карл Васильевич уже было хотел поддержать князя, однако, взглянув на хмурое лицо императора, благоразумно решил смолчать и на этот раз. «Нет уж... Напоминать об ошибках – рискованно, и весьма».

А император после небольшой паузы продолжил разговор о Турции:

– Так вот, господа, о Турции! Мы знаем, что Турция как никогда слаба. Нам необходимо...

– Покорнейше прошу, ваше величество, меня извинить, – проявив неслыханную дерзость, морской министр опять перебил государя на полуслове. – Но в сороковые годы Турция перекрыла проливы для нашего флота... А почему?.. Англичане, французы и бог весть кто ещё союз с османами заключили, мол, не бойсь, султан, поможем, ежели что... Не помешали им разногласия и тогда, коль надо, живо и сейчас договорятся между собой.

Наступила тревожная тишина. Вторично перебить на полуслове государя...

Император больше с удивлением, чем с осуждением, смотрел на не в меру разговорившегося князя.

«Хм... Меншиков по сравнению с моими придворными очень образованный человек, но как политик – слабый. Слишком прямолинейный, – подумал Николай. – Но в то же время в его словах что-то есть. Ну, с Францией понятно... Сомнения в надёжности королевы Виктории?.. Но откуда знать Меншикову о наших с ней взаимоотношениях? С другой стороны... А почему, собственно, не должны быть сомнения?.. Не сомневается только совсем глупый или беспринципный. О Меншикове такого не скажешь... Умён князь, но и злоречив. И это весьма важно... Хм... Для переговоров с турецким султаном – неплохая кандидатура».

Император отвёл взгляд от князя и спокойно произнёс:

– Не след, князь, перебивать своего государя. Я своё мнение высказал, скажу ещё раз.

Император повернулся к камину, взял в руку кочергу и... задумался.

Слова морского министра не то чтобы поколебали его уверенность в надёжности дружеских связей с Англией, совсем нет, но где-то там, глубоко в сознании, вдруг зашевелился червячок сомнения. Но Николай Павлович отогнал эти мысли: «Не верить друзьям – последнее дело», – решил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.